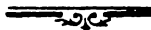

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИЗ ЖЕНСКОГО «ЭПИСТОЛЯРНОГО ЦИКЛА» АРХИВА ДОСТОЕВСКОГО (А. О. ИШИМОВА, О. А. НОВИКОВА, М. А. ПОЛИВАНОВА)

(Подготовка текстов и комментарии С. А. Ипатовой)

Значительную часть обширной читательской корреспонденции к Достоевскому занимает своеобразный эпистолярный цикл — женские письма, полученные в основном в период издания «Дневника писателя» 1876—1877 гг., вдохновившего большинство корреспонденток обратиться к Достоевскому лично. С одной стороны, этому явлению во многом способствовал сам тип издания, провоцирующий к дружескому диалогу, что, безусловно, предполагалось писателем изначально, — искренний, дневниковый, исповедальный характер повествования, взволнованное обсуждение так называемых «последних», «проклятых» вопросов, авторская установка — предположение в читателе серьезного и сочувствующего оппонента, готового откликнуться и продолжить тему — все это не могло не вызвать необычайного ответного доверия и упования современниц. С другой стороны, именно женская среда и реальный общественный контекст, породивший основной женский и сопутствующие ему вопросы, являли ту благодатную (но не единственную) читательскую почву, на которую «Дневник» Достоевского мог быть оптимально рассчитан.

Социальный и тематический диапазон этого эпистолярного цикла необычайно широк. Корреспондентки писателя, убежденные, что творческая мощь Достоевского способна разрешить не только «вечные» и важные общественно-нравственные вопросы, волнующие их вслед за писателем, но и частные, житейские, сугубо личные, повествуют о своих любовных драмах и семейных проблемах, просят быть руководителем в жизни и литературе, поверяют сомнения в выборе жениха и места учебы, ищут советов, ждут сердечного утешения и наставления. Однако при всей тематической разности этих писем объединяет их искренность, доверие и восторженное отношение к писателю, страстное желание посылно участвовать в решении общенациональных проблем, в общественной и личной эмансипации — осмыслить себя как личность и свое место в жизни. «„Дневник писателя“ дал мне средство ближе видеть русскую женщину; я получил несколько замечательных

писем: меня, неумелого, спрашивают они: „что делать?“ Я ценю эти вопросы и недостаток умения в ответах стараюсь искупить искренностью» (23, 28). С учетом личности своих корреспонденток Достоевский, за редким исключением, отвечал на все письма и, убежденный, что на многие вопросы нельзя ответить письменно, встречался лично, вникал в их проблемы, некоторые из них так или иначе становились «героинями» его «Дневника». «Идеальные» женские образы Достоевского, воплощенные им в «Дневнике» непосредственно из жизни, выражают, вероятно, стремление писателя дать реальный тип женского идеала, достойного быть в одном ряду с идеалами, воплощенными в искусстве. «Я уже не стану указывать на обозначившиеся идеалы наших поэтов, начиная с Татьяны, — на женщин Тургенева, Льва Толстого, хотя уж это одно большое доказательство: если уж воплотились идеалы такой красоты в искусстве, то откуда-нибудь они взялись же, не сочинены же из ничего. Стало быть, такие женщины есть и в действительности» (23, 88—89). Любопытно в связи с этим свидетельство одной из корреспонденток Достоевского А. Н. Курносовой: «Некоторые мои знакомые не постеснялись сказать мне в глаза, „что я хочу обратить на себя Ваше внимание“ с той целью, какая преследуется многими, — „выступить литературным героем“ (...) — я ничего такого не хочу; я хочу слышать от Вас слово (...), ни один человек не служит для меня таким нравственным светилом, как Вы» (Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 219—220). В русской женщине, по мысли писателя, заключена «одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления» (23, 28). Схожая мысль высказана им в «Дневнике» 1877 г.: «Ей ли, этой ли женщине, столь явно проявившей доблесть свою (в русско-турецкой войне. — С. И.), продолжать отказывать в полном равенстве прав с мужчиной по образованию, по занятиям, по должностям, тогда как на нее-то мы и возлагаем все надежды наши теперь (...) в духовном обновлении и в нравственном возвышении нашего общества!» (26, 33). Письма эти были нужны и значимы для Достоевского; безусловно, благодаря и им центральным образом Пушкинской речи, ее средоточием, стала Татьяна — олицетворение нравственной, духовной силы нации.

Настоящая подборка женских писем, продолжающая предыдущие публикации из этого цикла, связана пушкинской тематикой и включает письма, в той или иной степени, «исторических» женщин — А. О. Ишимовой, детской писательницы, корреспондентки А. С. Пушкина, О. А. Новиковой, известной публицистки, «депутата от России» в Англии, непосредственной участницы в публикации Пушкинской речи у М. Н. Каткова, и М. А. Поливановой, жены известного педагога Л. И. Поливанова, чья семейная драма оказалась связанной с той же Пушкинской речью, постичь до конца которую невозможно без учета и изучения «подготовившего» ее реального контекста — женского эпистолярного цикла в переписке Достоевского.

Александра Осиповна (Иосифовна) Ишимова (1806—1881) — одна из первых детских профессиональных писателей в России, переводчица, преподаватель русского языка членам царской семьи, издатель детских журналов, знакомая и последний адресат А. С. Пушкина, автор популярной обстоятельной «Истории России в рассказах для детей» (СПб., 1837—1841; выдержала шесть изданий, последнее — в 1867 г.).

Этот основной труд Ишимовой, написанный на основе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, но в доступном для детей жанре, вызвал хвалебные отзывы В. Г. Белинского, Пушкина («Вот как надобно писать!») — из письма Пушкина, написанного писательнице в роковой день дуэли с Дантесом, в котором он, высоко оценивая ее «Историю...», предлагает сотрудничать в «Современнике», см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1965. Т. 10. Письма. С. 623). Вела обширную переписку с П. А. Плетневым — ее литературным покровителем, Я. К. Гротом, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, В. Ф. Одоевским, Н. В. Гоголем (чьи «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвали ее особый восторг, см.: *Русская старина*. 1893. № 6. С. 552—559).

Первые частные детские литературно-художественные журналы «Звездочка» (1842—1864) и «Лучи» (1850—1860), издаваемые Ишимовой, как и ее книги, соединяли стремление дать юному читателю основы знаний о мире в различных областях — истории, литературе, географии, естествознании — с религиозно-нравственной задачей воспитать любовь к отечеству, чувства добра, справедливости, сострадания, стойкость в житейских невзгодах.

Среди многочисленных книг, написанных Ишимовой, наибольшей популярностью в домашнем воспитании помимо «Истории...» пользовались: «Священная история в разговорах для маленьких детей» (СПб., 1841; 6-е изд. — 1864), «Бабушкины уроки, или Русская история для маленьких детей» (СПб., 1952; 2-е изд. — 1859), учебник «Первое чтение и первые уроки для маленьких детей» (СПб., 1856; 2-е изд. — 1860), «Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей» (СПб., 1858—1863), «Рассказы для детей из естественной истории» (СПб., 1877) и др. С середины 1860-х гг. труды Ишимовой официально рекомендовались как учебники для казенных учебных заведений.

Первое упоминание об интересе Ишимовой к творчеству Достоевского, и в частности к «Дневнику писателя», содержится в ответном письме его харьковской корреспондентки Х. Д. Алчевской, сообщавшей 10 марта 1876 г., что февральский выпуск «Дневника» «понравился нашему кружку еще больше 1-го, особенно дело Кронеберга», а «chef d'oeuvre» «Мальчик у Христа на елке» и главу «Мужик Марей» Алчевская прочитала на литературном вечере в организованной ею воскресной школе для девочек, «самое приятное для меня одобрение моему чтению было старушки Ишимовой, которая теперь в Харькове и была у нас на последнем вечере» (РГАЛИ, ф. 212.1.56; см.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*. СПб., 1995. Т. 3. С. 77; *Лит. наследство*. М., 1973. Т. 86. С. 448; *Русская литература*. 1976. № 3. С. 139). Любопытно, что именно рассказ «Мальчик у Христа на елке» и его достоинства с педагогической точки зрения отметил редактор журнала «Семья и школа» Ю. И. Симашко и пригласил Достоевского сотрудничать в своем журнале, что, по его мнению, должно благотворно воздействовать на юношество и даст другим авторам «достойный оригинал для подражания» (см.: *Летопись... Т. 3*. С. 181—182). Не сохранилось никаких свидетельств об отношении Достоевского к творчеству Ишимовой, однако имеющиеся отзывы его о текущей детской литературе носят отрицательный характер. «Все, что о детях пишут, — вздор и вранье. А иные еще подсюсюкивают под детей. Это уже просто подлость: в детской душе большая глубина, свой мир, особый вид от других, взрослых, и такая иная раз трагедия, что в ней и гению не разобратъся...» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 383). Отвечая Н. Л. Озмидову, какие книги необходимо читать ребенку, Достоевский среди прочего советует «Историю» Карамзина (адаптированного переложения Ишимовой в этом списке нет) (30), 211—212).

4 апреля 1877 г. Ишимова сама изложила свои восторженные впечатления от «Дневника писателя», и в особенности от мартовского выпуска 1877 г., т. е. буквально на следующий день по выходе номера. Три первые подглавы главы первой, посвященные в основном восточному вопросу и рассуждениям о назначении русского народа как носителя нравственной силы, вызвали особый восторг писательницы. Ответное письмо Достоевского неизвестно, возможно, его и не было, так как форма письма корреспондентки предполагала необязательность ответа. Не сохранилось никаких сведений и о личных контактах между ними; существует, правда, другая, более эффектная версия их знакомства (без ссылки на источник), приведенная современным исследователем писательницы: «Ишимовой понятен и близок Ф. М. Достоевский и все, что он написал в эти годы. Она подружилась с семьей Достоевского, и Федор Михайлович знакомил писательницу со своими новинками. Особенно нравился ей „Дневник“ Достоевского...» (*Файнштейн М. Ш.* Писательницы пушкинской поры: Историко-литературные очерки. Л., 1989. С. 56—57). Подобная интерпретация единственного известного письма Ишимовой не имеет реальных «зацепок» и не подтверждается ни одним из имеющихся биографических источников писателя. Неизвестна реакция писательницы на Пушкинскую речь Достоевского.

28 января 1881 г. Ишимова сделала запись в своей записной книжке: «Сегодня умер Ф. М. Достоевский. Накануне 44-й годовщины смерти Пушкина!» (ИРЛИ, Р III, оп. 2, № 495, л. 20 об.). Сама Ишимова умерла вскоре — 4 июня 1881 г.

А. О. Ишимова — Достоевскому

4 апреля 1877 г. Петербург

Милостивый Государь, Федор Михайлович!

Давно хотелось мне писать к Вам, чтобы принести Вам мою искреннейшую благодарность за Ваш Дневник: читая его, отдыхаешь от той тоски, какую чувствует каждая истинно Русская душа, смотря на все, что окружает ее с прошедшей осени особенно; читая его, еще веришь, что настанет же когда-нибудь время, когда *начнут понимать Русский народ или, по крайней мере, принимать его во внимание*. Особенно три первые главы последнего № как-то даже успокоило меня насчет Православия и Константинополя, успокоило меня, несмотря даже на всю тревожность настоящих дней наших, когда только и думаешь о том, чего ожидать нам, войны или мира?¹

И так давно хотелось мне поблагодарить Вас за отрадные минуты, доставляемые Вами Русским людям, но все не было случая, все думалось мне, что у Вас такое множество всякого рода корреспонденций, что совестно обременять Вас еще одним лишним письмом. Но вот вышла у меня на днях новая книжка, простая детская книжка, которую совестно было бы и посылать такому писателю, как Вы, достойнейший Федор Михайлович, но что делать, другой у меня нет, я всю жизнь писала только детские книжки — так вот я решилась послать к Вам эту самую книжку в знак моего глубокого уважения к Вашим прекрасным литературным трудам. Извините меня за эту ничтожную посылку, может быть, Вы найдете каким-нибудь детям подарить ее.²

Так как Вы объявляете иногда в Дневнике Вашем о выходе новых книг, то, если можно, сделайте мне большое одолжение, объявите о моей, продающейся у Исакова, Мамонтова и у меня самой по Коломенской ул. у Свечного переулка № 13.³

Кроме того, покорнейше прошу Вас отпустить мне с моим посланным Ваши *Записки из Мертвого Дома*, деньги у него.⁴

Искренно уважающая Вас и готовая к услугам Вашим

Александра Ишимова.

4 апреля 1877 г.⁵

Публикуется по подлиннику: РГБ, ф. 93.П.5.39.

Фрагмент письма опубликован: Русская литература. 1976. № 3. С. 136

¹ К началу апреля 1877 г. отношение к так называемому «восточному» или «славянскому» вопросу, возбужденное в русском обществе турецко-сербской войной (июль—октябрь 1876 г.), рядом поражений в ней сербской армии под командованием М. Г. Черняева и назревающей угрозой русско-турецкой войны было после летнего единодушия 1876 г. (см. 23, 99—105) весьма неоднозначным. Спасая Сербию от окончательного разгрома, Россия 18 октября 1876 г. предъявила Турции ультиматум с требованием заключить двухмесячное перемирие; турки ответили согласием. 17 февраля 1877 г., вновь, благодаря

дипломатическому давлению России, между Сербией и Турцией было заключено перемирие. В целом восточному вопросу Достоевский посвятил целый ряд глав в «Дневнике писателя» 1876—1877 гг., основной, сквозной идеей которых стала идея освобождения и единения в первую очередь славянских (христианских) народов с духовным главенством России в противостоянии их — с Константинополем (Царьградом) как центром восточного христианства (православия) — Османской империи (магометанской) и Западу (католическому и протестантскому), и, в конечном счете, объединение всего человечества. Участие России в войне Достоевский рассматривал как начало осуществления этой исторической миссии русского народа. Три первые подглавки главы первой мартовского выпуска «Дневника» 1877 г., «успокоившие» Ишимову, «I. Еще раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш», «II. Русский народ слишком дорос до здравого понятия о Восточном вопросе с своей точки зрения», «III. Самые подходящие в настоящее время мысли» (25, 65—74) объединены тематически; их общая концепция (исторически обусловленная православная роль России и ее «нравственное право» в наследовании Константинополя) корректирует тезисы июньского выпуска «Дневника» 1876 г. от «утопического» понимания этой идеи Достоевским (с точки зрения «немедленного исполнения») к современному ее истолкованию — жизненная важность и неминуемость для России, освободив восточное христианство, возродить «наш» Константинополь для будущего церковного единения. «...обнажим ли мы меч, или дело еще раз оттянется каким-нибудь компромиссом в долгий ящик (...), но рано ли, поздно ли, а Царьград будет наш», и «это чуть не вся судьба наша в будущем» (25, 67, 74).

Выделенные Ишимовой слова являются неточной цитатой из этого выпуска «Дневника». Ср.: «Но, впрочем, о народе русском потом; когда-нибудь добьется же он того, что начнут понимать и его и, по крайней мере, принимать его во внимание» (25, 70).

Война России с Турцией формально началась в день объявления высочайшего манифеста о вступлении российских войск в пределы Турции — 12 апреля 1877 г., т. е. через неделю после письма Ишимовой (о восторженной реакции Достоевского на это событие см.: *Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 315—316*).

² К письму были приложены, вероятно, «Рассказы для детей из естественной истории» (СПб., 1877), сохранившиеся в библиотеке Достоевского (см.: *Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. М.; Пг., 1922. С. 47*). По предположению составителя «Летописи...» (1877), это были вышедшие чуть позже «Рассказы из священной истории для крестьянских детей» (СПб., 1878) (см.: *Летопись... Т. 3. С. 190*).

³ Ни одна из книг Ишимовой в «Дневнике писателя» не объявлялась по причине практического отсутствия этого жанра на страницах издания.

⁴ Интерес писательницы именно к «Запискам из Мертвого дома» мог быть обусловлен событиями ее собственной жизни. В 1818 г. отец Ишимовой — чиновник Министерства полиции — был осужден за «ябедничество» и без суда и следствия подвергся административной ссылке вместе с семьей в Усть-Сысольск, затем последовали переводы в Никольск и Кемь, откуда, уже без семьи — отправка на Соловецкие острова. В результате личного обращения Ишимовой к Александру I о смягчении участи отца местожительством его был определен Архангельск (1825) (подробнее об этом см.: Русские писатели. Биографический словарь. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 427 — статья Э. Л. Безносова). Впечатления писательницы о пережитой ссылке приведены в рассказе «Зырянка» (см.: В дебрях Севера. Русские писатели XVIII—XIX веков о земле Коми. Сыктывкар, 1983. С. 33—39).

⁵ Ответ Достоевского неизвестен.

Ольга Алексеевна Новикова (урожд. Киреева; псевд. «О. К.»; 1840—1925) — сестра генерала А. А. Киреева, известная писательница-публицистка славянофильской ориентации, общественная деятельница, автор ряда книг о русско-английских отношениях и на богословские темы (на англ. яз.), жила преимущественно за границей; хозяйка великосветского салона в Лондоне, имевшего европейскую известность, — места встреч многих знаменитостей политического, церковного и литературного мира; в числе ее знакомых и корреспондентов были: У. Гладстон, Т. Карлейль, А. Кайзерлинг, Б. Ауэрбах, М. Арнольд, Г. Бичер-Стоу, О. Уайльд, В. Рольстон, Н. А. Милютин, И. С. Аксаков, К. Ф. Головин, Д. А. Валуев, К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, Ф. И. Тютчев, К. Павлова, В. П. Боткин, П. Вьярдо, Я. П. Полонский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Вл. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский и мн. др.

Происходила из старинного дворянского рода. В Москве 1820—1830-х гг. шумной славой пользовалась мать Новиковой — известная красавица А. В. Алябьева, литературный салон которой в 1840—1860-х гг. становится своего рода идейным центром славяно-

филов, а сама хозяйка — вдохновительницей движения. Отец Новиковой — А. Н. Киреев, убежденный славянофил, близкий друг А. С. Хомякова и И. С. Аксакова. Восприемником всех троих детей Киреевых: Александра (1833—1910), Ольги и Николая (1841—1876) был Николай I. С детства ими вполне был усвоен не только славянофильский энтузиазм родителей, общительность, тяга к некоему значению в литературном мире, но и присущее ранним славянофилам англофильство. Замужество Ольги Алексеевны с полковником И. П. Новиковым (1860), впоследствии генералом, состоящим при вел. кн. Николае Николаевиче, братом писателя и дипломата Е. П. Новикова, приблизило ее к придворным сферам, дипломатическим кругам, миру искусства и литературы (подробную биографию Новиковой см.: *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* В лондонском салоне О. А. Новиковой. Рукопись. ИРЛИ. Л. 1—4). В 1866 г. Новикова познакомилась с И. А. Гончаровым, на которого произвела сильное впечатление: «Она очень умна, — писал он Тургеневу 30 июня (12 июля) 1866 г., — и тем непростительнее ей (...) это искание знаменитостей» (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. Пб., 1923. С. 50). Любопытные штрихи к облику Новиковой содержатся в письменных отзывах Тургенева, состоявшего с ней в дружеских отношениях. «Г-жа Новикова покинула Баден и свирепствует теперь в Эмсе», — писал он В. П. Боткину 10 (22) августа 1866 г. (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 95); «Тбистая „восторженница“ Новикова представляет малоразработанный и, в сущности, нелюбопытный тип (...). Я, к сожалению, заметил, что у нас все любительницы литературы принадлежат к разряду рыл и мордемоной. Ты ей этого, однако, не говори, а, напротив, поддерживай священный жар», — писал Тургенев Я. П. Полонскому 22 февраля (5 марта) 1868 г. (Там же. Т. 7. С. 72—73; ср. отзыв в письме к П. Виардо от 8 (20) июня 1868 г. — Там же. С. 158). Н. А. Островская приводит слова Тургенева о Новиковой: «Теперь ни за что не поеду в Мариенбад. — С. И.), чтобы Новиковой не попасться. Вы не можете себе представить, что это за господа: она, если привяжется, способна в конец истерзать человека» (Тургеневский сборник. Пг., 1915. С. 106). Эту непреодолимую тягу к известным людям, постоянную озабоченность расширением круга своих литературных знакомств в некоторой степени объясняет запись, сделанная ею в известном рукописном альбоме О. А. Козловой: «Ничто так не полезно, как соприкосновение с людьми, моральное превосходство которых не вызывает ни малейшего сомнения» (Album de Madame Olga Kozlow. M., 1883. С. 135). Запись Достоевского в этом же альбоме (от 31 января 1873 г. — 27, 119), скорее всего, была известна Новиковой

Жизнь в Вене, Париже, Мариенбаде, Лондоне, влечение к выдающимся умам европейской политики, науки и искусства, поиски новых знакомств и интересных собеседников, обширная корреспонденция на трех языках по самым разнообразным вопросам церковной, общественной и культурной жизни — все это давало Новиковой интенсивный интеллектуальный обмен, обогащение кругозора, ощущение, вероятно, собственной значимости. В первой половине 1870-х гг. эта активность приобретает особую направленность в связи с проблемой соединения англиканской и православной церкви. Владимир Соловьев, работавший тогда в Британском музее, становится частым посетителем ее гостиной, где его, «видимо, привлекали беседы и знакомства с членами англиканской иерархии» (*Лукьянов С. М.* О Вл. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. М., 1990. Кн. 3, вып. 1. С. 141). Позже ее увлекла проблема англо-русского сближения, вызванная обострением отношений между двумя странами из-за столкновений политических интересов на Балканах и в Азии. Лондонский салон Новиковой с осени 1876 г. становится и центром, в котором группировались политические силы, сочувствующие славянскому освободительному движению, и возглавляемая У. Гладстоном оппозиция, ведущая ожесточенную дипломатическую и политическую борьбу против туркофильской политики кабинета Б. Дизраэли, графа Биконсфильда, чей отзыв «депутат от России» («M. P. for Russia»), учитывающий политическую позицию и деятельность Новиковой в этот период, стал едва ли не комплиментом ей (именно так назовет свою книгу ее биограф английский журналист В. Стэд: *Депутат от России: Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой.* СПб., 1909. Т. 1; Пг., 1915. Т. 1—2). Дружба Новиковой с премьер-министром Гладстоном во многом определила его славянские симпатии, позицию защитника балканских славян и обличителя турок. «Может быть, — замечает П. Д. Боборыкин, — этой представительнице русского охранительного патриотизма мы обязаны тем, что „великий старец“ (Гладстон. — С. И.) заинтересовался многими сторонами русской жизни и во внешней политике держал нашу руку больше, чем его предшественники» (*Боборыкин П. Д.* Воспоминания. В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 317). Популярность и политическая карьера Новиковой как сестры Николая Алексеевича Киреева, добровольца, зверски убитого 6 июля 1876 г. при штурме турецких

укрепленей, значительно возросли после этого события и, по собственному признанию, побудили ее взяться за перо и таким образом служить «славянскому делу», за которое погиб Н. А. Киреев. Достоевский, знавший Киреева лично, писал о нем в «Дневнике писателя» как о человеке, «положившем жизнь свою за народное дело», чья смерть стала «высочайшим самоотвержением в пользу ближнего» (23, 69; 25, 211). Именно с этим периодом связано начало ее дипломатической и публицистической деятельности.

Выступая в лондонских периодических изданиях со статьями по различным вопросам текущей политической жизни, трактуемым ею с славянофильско-патриотической позиции, Новикова, кроме того, выпустила ряд книг, объединенных общей мыслью защитить Россию от нападок английской прессы («Is Russia wrong?» London, 1877. — «Виновата ли Россия?»), оправдать «традиционную политику России» («Friends or Foes?» London, 1878. — «Друзья или враги?»), познакомить англичан с Россией, ее государственностью, культурой и, в конечном счете, способствовать согласию между Россией и Англией («Russia and England from 1876 to 1880: a protest and an appeal». London, 1880 — «Россия и Англия между 1876 и 1880 годами: протест и призыв»; книга была посвящена памяти брата Н. Киреева и имела сенсационный успех) (см.: *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* В лондонском салоне О. А. Новиковой. Л. 24—35). Письма о России Новиковой печатались в газетах «Northern Echo», «Daily News», «Times», журналах «Contemporary Review», «Nineteenth Century» и мн. др. Одновременно она была корреспонденткой «Московских ведомостей» («Письма из Англии»). Роль Новиковой как представительницы официальной России была неофициальной и вполне добровольной, тем не менее в деле англо-русского сближения уровень ее дипломатической деятельности оказался весьма высоким. (См. о ней сочувственный отзыв Е. В. Тарле в рецензии на книгу Стэда: Голос минувшего. 1915. № 10. С. 300—301).

Личное знакомство Новиковой и Достоевского состоялось, вероятнее всего, в Москве между 29 июня и 9 июля 1878 г. по возвращении писателя из Оптиной пустыни и до отъезда в Старую Руссу. В Полном собрании сочинений писателя на основании существующей дарственной надписи Достоевского на издании «Преступления и наказания» (СПб., 1867. Т. 1: «Многоуважаемой Ольге Алексеевне от преданнейшего ей автора» — 302, 62) датой их знакомства назван конец 1860-х гг. (301, 434), однако, как отмечает составитель списка «Дарственных надписей...», книга не могла быть подарена по выходе в свет, так как все издание было отдано Достоевским «за векселя Працу, Базунову и Вейденштрауху» еще до отъезда за границу, версия, что книга принадлежала самой Новиковой и была надписана уже после их знакомства в 1878 г. (см.: 302, 101; *Летопись... Т. 3. С. 364*), кажется наиболее убедительной; в любом случае, в 1867, 1878 или 1879 г. была написана книга, их переписка и встречи начались в 1878 г. (впервые имя Новиковой Достоевский упоминает в письме к жене от 22 июня 1878 г. из Москвы: «Очень хочет и зовет меня Новикова» — 301, 34), хотя не исключено, что какие-то незначительные салонные или редакционные встречи могли случаться и ранее.

В связи с Новиковой интересен эпизод, имеющий отношение к неизвестному ранее прижизненному некрологу Достоевского. 6 ноября 1875 г. в английском журнале «Athe-naeum» появилась статья (без подписи), озаглавленная «Fedor Dostoevsky», начинавшаяся выражением сожаления по поводу его смерти: «Россия лишилась писателя, который около пятнадцати лет считался одним из самых замечательных ее романистов...» (№ 2506. P. 608—609). 15 ноября 1875 г. Вильям Рольстон, сотрудник журнала, пишет Новиковой: «„Постоянный читатель“ из Петербурга прислал письмо (...) и сообщил, что Достоевский не умер. Не знаете ли Вы случайно что-нибудь на этот счет?» (цит. по: *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994. С. 164—165). Ответ Новиковой неизвестен, однако через несколько дней в том же журнале появилось опровержение за подписью «Постоянный русский читатель» (A Constant Reader in Russia), присланное якобы из Петербурга, в котором сообщалось, что Достоевский жив, относительно здоров и продолжает печатать свой новый роман «Подорож-ток» (Там же. С. 165). Удалось установить, что автором этой курьезной некрологической статьи был неутомимый популяризатор русской литературы в Англии Рольстон, получивший эту информацию, вероятно, от Новиковой. Неизвестно, поведала ли она Достоевскому об этом при встрече, но ни он, ни Анна Григорьевна никогда не упоминали этот эпизод. (Любопытно, что в 1872 г. в Лондоне был опубликован некролог здравствующего тогда И. С. Тургенева, написанный Г. Ф. Чорли, см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 9. С. 213, 406). Попутно отметим, что еще в октябре, т. е. почти за месяц до появления некролога в Лондоне, вероятно, ходили слухи — Вл. Соловьев в письме к матери от 14 (26) октября 1875 г. спрашивает: «Правда ли, что умерли Алексей Толстой

и *Достоевский?*» (Лукьянов С. М. О Вл. Соловьеве... С. 119—120. А. К. Толстой умер 28 сентября (10 октября) 1875 г. — С. И.).

Близкое знакомство их состоялось в Москве в 1878 г., предположительно в один из дней между 29 июня (22 июня Достоевский пишет жене о желании Новиковой встретиться с ним, 23-го — едет вместе с Вл. Соловьевым в Оптину пустынь, откуда возвращается 28-го) и началом июля до 9-го, так как 11-го он уже в Старой Руссе (не исключено, что писатель выехал из Москвы 2 июля, как намеревался, и тогда эта встреча произошла между 29 июня и 1 июля, см.: *Летопись...* Т. 3. С. 278—280). К этому же времени следует отнести и первое письмо (без даты) Новиковой к Достоевскому (датировка, предложенная В. С. Нечаевой, — «после 25 мая 1880» не подтверждается ни биографическими сведениями этого периода, ни содержанием самого письма, см.: Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957. С. 439, а также аргументацию И. А. Битюговой: *Летопись...* Т. 3. С. 415). В начале марта 1879 г. Новикова приезжает в Петербург. Из их переписки в это время, в основном о предполагаемой встрече в Европейской гостинице, не очевидно, свиделись ли они до ее отъезда в Москву (15 марта). Скорее всего, встреча все-таки состоялась 14 марта в салоне С. А. Толстой (см. письмо от 13 марта). Зимой 1880 г. Достоевский (вместе с женой) встречался с Новиковой у Е. А. Штакеншнейдер на любительской постановке «Каменного гостя» Пушкина. Среди гостей, по свидетельству А. Эйсснера, были: Вл. Соловьев, С. А. Толстая, О. А. Новикова «(друг английского премьера Гладстона) с огромным зеленым попугаем на шляпе» и др. (см.: *Знамя*. 1991. № 11. С. 167; *Летопись...* Т. 3. С. 386). В начале мая 1880 г. Достоевский (перед отъездом в Старую Руссу, а затем на пушкинские торжества) наметил в записной тетради «Pro Memoria» написать письмо «К Новиковой (?)» (27, 117). Неизвестно, было ли написано это письмо (см.: 27, 382; *Летопись...* Т. 3. С. 409). 24 мая 1880 г. Достоевский нанес визит Новиковой, «был встречен очень любезно» (30, 159). 30 мая 1880 г. Анна Григорьевна в письме к мужу просит справиться у Новиковой об автографе Гладстона для своей коллекции (*Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка*. М., 1976. С. 331; *Летопись...* Т. 3. С. 421). И наконец, та же Новикова поспособствовала публикации Пушкинской речи в «Московских ведомостях» — не исключено, что именно она привезла текст речи на дачу М. Н. Каткову, переданный ей К. А. Иславиным днем 9 июня (см.: 26, 470; *Волгин И. Л. Последний год Достоевского*. М., 1990. С. 386—387). В день похорон Достоевского (31 января 1881 г.) Новикова в числе других присутствовала в Сергиевской церкви (в Москве) на заупокойной литургии и панихиде «о новопреставленном Феодоре», заказанных Катковым (см.: *Летопись...* Т. 3. С. 558). «Не могу выразить, — писала она Стэду 14 февраля 1881 г., — как я огорчена смертью Карлайля и Достоевского (Т. Карлейль умер 4 февраля. — С. И.) (...) Нет в настоящее время человека в России, которого влияние было бы очевиднее и полезнее. Он был восторженным славянофилом (...) Достоевского обожала наша молодежь и те взрослые люди, в сердце которых была правда и благородство. Я потеряла в Достоевском друга» (*Русская старина*. 1913. № 11. С. 379—380). В некрологе «Несколько слов о Карлейле» Новикова почтила и Достоевского. «Достоевский покинул нас, когда талант его блистал полной силой, когда его неподкупное, бесстрашное слово всего более приносило плодов. Именно теперь Достоевский более всех имел возможность говорить авторитетно молодежи (...), его главная сила заключалась в очевидной неподкупности, в искренности, в неспособности кривить и торговать душой, а молодежь только таким людям и верит безоглядно, только за такими и готова следовать: смерть Достоевского в настоящую минуту — глубокое горе для всей России» (*Русь*. 1881. № 13. 7 февр. Ср. с дневниковой записью А. А. Киреева: *Лит. наследство*. М., 1973. Т. 86. С. 534). В 1880-х гг. в своем салоне Новикова, несомненно, пропагандировала Достоевского: Гладстон читает «Преступление и наказание» во французском переводе, вероятно, по ее же совету (см.: *Алексеев М. П., Левин Ю. Д. В лондонском салоне О. А. Новиковой*. Л. 42); в октябре 1887 г. О. Уайльд пишет Новиковой: «Я надеюсь, что Вы не забыли своего обещания написать для меня небольшую статью о трех русских романистах, Тургеневе, Достоевском, Толстом, используя личные воспоминания и описав некоторые их черты, какие придут Вам на ум. Сейчас все интересуются русскими романистами, но нет никого, кроме Вас, кто бы был лично знаком с Толстым или Достоевским — Ваш рассказ о последнем я считаю чрезвычайно интересным» (Там же. Л. 40—41). Воспоминания Новиковой о Достоевском неизвестны. Сохранились два письма Достоевского к Новиковой (30, 56, 58—59) и семь Новиковой к нему (РГБ, ИРЛИ). Письма публикуются по подлинникам: РГБ, ф. 93.П.7.26 (подарка 2—7); ИРЛИ, № 29791 (1).

Принишу благодарность Ю. Д. Левину за консультации, а также возможность ознакомиться с неопубликованной главой М. П. Алексеева, Ю. Д. Левина «В лондонском салоне

О. А. Новиковой», не вошедшей в том: Русско-английские литературные связи: XVIII век—первая половина XIX века // Лит. наследство. М., 1982. Т. 91. Ссылки на эту работу см. в тексте биогр. справки.

О. А. Новикова — Достоевскому

1

29 июня—начало июля 1878 г. Москва

Д(ом) Новикова. Трубный
пер(еулок) близ Поварской

Дорогой Федор Михайлович,

Вот руковод(ящая?) статья Каткова, которая не ясна без моей: прилагаю обе к записке¹ и пользуюсь случаем душевно поблагодарить за посещение.

Как ни коротко оно было, все же от него как-то на душе теплее.²

Спасибо Вам. Ваша Ольга Новикова. (О. К(иреева)).³

Письмо датируется по содержанию: см. биогр. справку. Фрагменты письма опубликованы: Лит. наследство. Т. 86. С. 473; Летопись... Т. 3. С. 415.

¹ О каких статьях идет речь, не установлено. Достоевского могли заинтересовать определенные публикации на постоянно занимавшую Новикову англо-русскую тематику (см.: Летопись... Т. 3. С. 415). Однако, скорее всего, статьи были посвящены непосредственно предшествующим событиям — Берлинскому конгрессу и последней речи И. С. Аксакова, возбудившим большой общественный резонанс. 1 (13) июня 1878 г. в Берлине был созван конгресс для пересмотра Сан-Стефанского договора, который вскоре был заменен Берлинским трактатом, знаменовавшим дипломатический разгром России. 22 июня Аксаков выступил в Московском славянском благотворительном обществе с «надгробным словом Русской славе, чести и совести» — гневной речью, критикующей шедшие вразрез с интересами России и славянства уступки русской дипломатии: «Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? (...) Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией (...) западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец (...) Волнуется, ропшет, негодует народ, смущаемый ежедневными сообщениями о Берлинском конгрессе (...) Долг же верноподданных велит нам и не безмолвствовать в эти дни беззакония и неправды» (Аксаков И. С. Соч. М., 1886. Т. 1. Славянский вопрос. С. 298—299, 307—308). Эта речь, ставшая, как известно, причиной высылки Аксакова из Москвы, надолго закрепила за ним славу опального правдолюбца (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 411, 564—565). Любопытно, что Достоевский знал содержание речи до того, как она прозвучала, и предсказал Аксакову ее последствия, сбывшиеся буквально. «Дня за два до знаменитой речи Аксакова, — вспоминал В. Ф. Пуцыкович, — сидел я у покойного Ивана Сергеевича в Москве, в его кабинете (...) Вошел Достоевский (...), сейчас же заговорил и о речи, тщательно подготавливаемой Аксаковым тут же. Аксаков стал и ему делать выдержки из нее, т. е. читать разные места. „Ой, смотрите, чтоб вас за это не выслали“, — все говорил Достоевский (...) он со свойственной ему живостью, почти воскликнул: „Так я же вам предсказываю, что вас вышлют за эту речь!“» (Летопись... Т. 3. С. 575). Достоевский, безусловно, всецело разделял основной пафос речи. Именно в этот день (22 июня) Достоевский посетил Аксакова, выразив тем самым свою солидарность с ним (см.: Там же. С. 278); вероятно, здесь Новикова видится с Достоевским, «очень хочет и зовет к себе». Косвенно в пользу берлинско-аксаковской тематики приложенных статей говорит и тот факт, что позже (25 марта 1879 г.) Новикова вышлет Достоевскому еще одну свою публикацию «Вести из Англии (По поводу Берлинского трактата)» (Московские ведомости. 1879. 24 марта. № 74), продолжив таким образом свой разговор

с писателем на тему, начатую в статьях, о которых идет речь. Ответ Достоевского на публикацию Новиковой 1879 г. известен (30₁, 59; см. также примеч. 3 к письму 5).

² Славянофильско-патриотические взгляды Новиковой, а стало быть, ее реакция, настроения и чувства в связи с последними событиями, очевидны и подтверждаются другими источниками (что еще раз убеждает в датировке письма: конец июня—начало июля 1878 г.). Из письма У Гладстону от 13 июля 1878 г.: «Я перевела на днях последнюю речь Аксакова (...) Пожалуйста, прочтите ее, если хотите знать, почему вся Москва чувствует себя такой же несчастной, как я» (*Стэд В. Депутат от России*. Т. 1. С. 299—300, 304—307). Нетрудно представить оптимизм Достоевского в связи с этими событиями и то, какого характера утешение могла получить Новикова от него при встрече («на душе теплее»). К одним из откликов Достоевского на Берлинский конгресс и общественные волнения в связи с ним следует отнести июльский фельетон «Из дачных прогулок Козьмы Прутоква и его друга» (21, 248—251; см. также. 27, 6, 289).

³ Ответное письмо Достоевского неизвестно.

2

6 марта 1879 г. Петербург

№ 113. Европейская гостиница.
Михайловская площадь. Вторник.

Дорогой Федор Михайлович,

Посетив меня в Москве, Вы позволили мне уведомить Вас, как скоро мне придется быть в Петербурге.¹ Простите, что я не забыла Вашего позволения. Крайне хотелось бы Вас повидать. Не назначите ли Вы мне дня и часа, когда бы я могла поджидать Вас к себе?² Письмо передаю.

Письмо датируется на основании ответного письма Достоевского от 11 марта 1879 г. (30₁, 56; см. также: *Летопись...* Т. 3. С. 305).

¹ Достоевский посетил Новикову в Москве между 29 июня и началом июля 1878 г. См. биогр. справку.

² Письмо Новиковой было передано с посылным; вероятно, с ним же Достоевский отослал записку (не сохр.), в которой сообщал, что будет в гостинице 10 марта (в субботу) в 3 часа (устанавливается по содержанию ответного письма Достоевского от 11 марта 1879 г.). В назначенный срок писатель наносит визит Новиковой в Европейскую гостиницу, однако, по недоразумению, швейцар оповещает, что «она выехала». Достоевский оставляет визитную карточку (30₁, 56; *Летопись...* Т. 3. С. 307). В этот же день (10 марта) он получает следующее письмо Новиковой. Интересно, что того же 10 марта Достоевский получает письмо брата Новиковой, генерала А. А. Киреева, адъютанта вел. кн. Константина Николаевича, с сообщением, что вопрос о снятии с писателя полицейского надзора не вызывает никаких препятствий (*Летопись...* Т. 3. С. 307). Попутно отметим, что Киреев считал Достоевского близким себе «по убеждениям и чувствам» (см.: *Лит. наследство*. Т. 86. С. 475).

3

10 марта 1879 г. Петербург

№ 113. Европейская гост(иница).
Мих(айловская) площадь. Суббота.

Дорогой Федор Михайлович,*

Я чуть не плачу: отчего Вы ко мне не вошли? Карточку Вашу мне отдали,¹ но ведь я дома была и ждала Вас, ждала, не могла дождать-

* В тексте ошибочно: Михаил Федорович

ся!² Просто горе. А вчера как Вы читали великолепно: сердце радовалось.³ Но как это не нашлось доброго человека, чтоб посоветовать Салтыкову прочесть что-нибудь другое: все было бы лучше!⁴ Не смею просить Вас к себе, но скажу Вам по секрету, что, если Вы выберете минутку во вторник утром, и мне ее назначите, я буду дома и снова поджидать Вас.⁵ Ваша Ольга Новикова, р(ожденная) Киреева.

Письмо датируется по содержанию, см.: *Летопись... Т. 3. С. 307.*

Частично опубликовано: *Лит. наследство. Т. 86. С. 473; 301, 188—189.*

¹ Речь идет о визитной карточке Достоевского.

² В ответном письме Достоевский подробно описал свой неудачный визит к Новиковой. «Когда я прибыл в „Евр(опейскую) гостиницу“ (ровно в 3 часа), то швейцар сказал мне прямо, что Вас нет дома, что Вы выехали (...) я еще раз спросил — и он опять ответил мне то же самое. Наконец, уходя, никак не доверяя словам швейцара, спросил его в третий раз, действительно: не ошибся ли он? И он в третий раз и уже с грубостью ответил мне: „Сказано, что нет, значит нет!“ (301, 56).

³ 9 марта 1879 г. Достоевский участвовал в литературном вечере, устроенном в пользу Лит. фонда (в зале Благородного собрания) с чтением неопубликованного отрывка из «Братьев Карамазовых». Это было первое публичное чтение романа, начавшего выходить в «Русском вестнике» (1879. № 1—2). (С середины 1870-х гг. Новикову как корреспондентку «Московских ведомостей» связывают с Катковым деловые отношения.) Накануне (8 марта) А. П. Filosofova посещает Достоевского и «умоляет» прочитать исповедь Мармеладова из «Преступления и наказания», — вероятно, были опасения вызвать неодобрительную реакцию публики Достоевский ответил ей, что прочтет «лучше этого» (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 378); имелся в виду «Рассказ по секрету» — признания Дмитрия Карамазова Алеше. В вечере, ставшем событием уже по одному подбору имен, приняли участие: И. С. Тургенев, А. Н. Плещеев, Я. П. Полонский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. А. Потехин. Именно это чтение в многочисленном ряду подобных запомнилось современникам более других, основательно описано и прокомментировано в мемуарах (подробнее см.: *Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 332; Тимофеева В. В. (О Починковская) Год работы со знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 182—183; Filosofova A. П. (О Достоевском) // Там же. С. 377—378; Щеглов И. (И. Л. Леонтьев). Три мгновения (Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском) // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях. СПб., 1993. С. 218—219; отчет о вечере был помещен в «Голосе» 1879. 11 марта. № 70; 301, 288). Достоевского вызывали пять раз. Успех вечера превзошел все ожидания, и организаторы решили повторить его 16 марта с теми же (за исключением Салтыкова) исполнителями (см.: *Летопись... Т. 3. С. 305—306; Волгин И. Л. Последний год Достоевского С. 82—90).**

⁴ Салтыков «вяло-брюзгливым и монотонным голосом» читал отрывок из «Современной идиллии» 11 марта 1879 г. Н. Н. Страхов писал Л. Толстому: «Публика встретила Достоевского с таким же восторгом, как Тургенева (Тургенев читал отрывок из «Бурмистра»). — С. И., Салтыкову же хлопали очень мало» (*Волгин И. Л. Последний год Достоевского С. 89).* Салтыкова вызывали три раза.

⁵ «Сожалее чрезвычайно, — писал Достоевский в ответном письме от 11 марта 1879 г., — что именно во вторник я совершенно весь день не принадлежу себе, а потому Вашим добрым и любезным приглашением воспользоваться никак не могу» (301, 56) Во вторник 13 марта Достоевский присутствовал на обеде в ресторане Бореля в честь Тургенева, организованном петербургскими профессорами и литераторами. «К тому же, — продолжал Достоевский, — находясь в нравственной тревоге: всю эту неделю я буду занят Бог знает чем — выездами, повторениями чтений...» (Там же). Повторение литературных чтений, прошедших 9 марта (см. примеч. 3), состоялось 16 марта 1879 г. (подробнее см.: *Сакина М. Г. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 355—356; Лит. наследство. Т. 86. С. 476—477).*

13 марта 1879 г. Петербург

№ 113. Европейская гост(иница).
Михайловская улица. Вторник.

Верьте мне, Федор Михайлович, во всем и всегда. Вся вина была на стороне швейцара, который уже не впервые обрекает меня на одиночество, по каким-то непроницаемым соображениям.¹ В четверг, увы, я приговорена к отъезду, но не придете ли Вы к гр(афине) Толстой ранее назначенного для чтения времени? Я там обедаю и провожу весь вечер.² Во всяком случае спасибо Вам за доброе словечко.³ До свиданья когда-нибудь. Ваша О. К(иреева).

Вот московский адрес: Д(ом) Новикова, Трубный переул(ок), близ Поварской.*⁴

Письмо датируется по содержанию этого и предыдущих писем: см. Летопись... Т. 3. С. 309.

¹ См. примеч. 2 к письму 3.

² Речь идет о гр. Софье Андреевне Толстой, вдове А. К. Толстого. В 1879—1880 гг. Достоевский часто посещал ее салон (см.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 355—357). Здесь, по свидетельству дочери, он читал неопубликованные главы «Братьев Карамазовых» (Лит. наследство. Т. 86. С. 303). Не исключено, что на следующий день (14 марта) Достоевский был у Толстой на «чтении» («Братьев Карамазовых»?) и виделся с Новиковой, так как в следующем ее письме из Москвы нет никаких упоминаний о несостоявшейся встрече в Петербурге.

³ Речь идет об ответном письме Достоевского от 11 марта 1879 г. (30₁, 56).

⁴ Ответ Достоевского неизвестен.

25 марта 1879 г. Москва

Д(ом) Новикова. Трубный пер(еул)ок, близ Поварской.
Москва. 25-е марта.

Дорогой Федор Михайлович, у меня до Вас большая просьба: помогите! Мне крайне нужно знать кое-какие подробности о редакции «Русской речи». Журнал этот, хотя и издается в «Чухонских Афинах», очень мне нравится; но кто там главное лицо, с кем вести переговоры? Кто выбирает там сотрудников? Имя официального редактора здесь так мало известно, что его считают подставным лицом.¹

Нас, москвичей, очень** заинтересовала напечат(анная) в «Русской речи» повесть «Ненастье». Кто этот скромный автор «А. Б.»?²

Прилагаю Вам свою последнюю статью, хотя не смею надеяться, что она могла Вас в какой-либо мере удовлетворить.³ Я ее сообщила английскому послу, которого давно и хорошо знаю. Пускай знает московское мнение об английской политике: его уж чересчур все закармливают комплиментами. Но я не должна Вам слишком надоедать, а то Вы,

* Последний абзац приписан на полях.

** Было: зд(есь)

пожалуй, осерчаете и не исполните моей просьбы.⁴ Крепко жму Вам руку. Душевно Вам преданная Ольга Новикова (О. К(иреева)).

На конверте: С. Петербург.
Его Высокоблагородию,
Федору Михайловичу Достоевскому.
На углу Ямской и Кузнечного
переулкa. Д. № 2-й.

Почтовый штемпель на конверте: «26 мар(та) 1879».

На первом листе письма монограмма корреспондентки.
Год устанавливается по почтовому штемпелю на конверте.
Частично опубликовано: 30₁, 290—291.

¹ «Русская речь» (1879—1882), ежемесячный петербургский «журнал литературы, политики и науки», издаваемый А. А. Навроцким (1839—1914; писатель, драматург, поэт; псевд. «Н. А. Вроцкий»), направление журнала, декларированное им в первом номере, определялось как «дальнейшее развитие исконных начал Русской земли» (1879. № 1. С. 7). Славянофильско-патриотической ориентации самой Новиковой должна была импонировать статья Н. Я. Данилевского «Россия и Восточный вопрос» (№ 1. С. 212—251, № 2. С. 173—208), написанная в русле близкой Новиковой тематики — вина европейских держав в последствиях Берлинского конгресса, обесценившего завоевания русско-турецкой войны и Сан-Стефанского мирного договора А. Г. Достоевская сообщила мужу: «Вчера у нас был Навроцкий» (см.: *Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г.* Переписка. С. 267); этот визит был связан, вероятно, с желанием Навроцкого заручиться согласием Достоевского участвовать в его журнале (30₁, 286). «Известие о Навроцком, — писал жене Достоевский 10 ноября 1878 г., — показывает разве то только, что они все-таки в своей „Русской речи“ не будут моими явными ругателями» (30₁, 50). Беседа на эту тему состоялась, вероятно, позже — в письме к Е. А. Штакеншнейдер от 15 июня 1879 г. Достоевский писал о Навроцком: «еще прошлого года (...) он приходил ко мне просить советов насчет будущего еще издания журнала» (30₁, 73) Из ответного письма к Новиковой от 28 марта 1879 г.: «...хоть и видел в нем (Навроцком. — С. И) человека не тупого, но никак не мог сообразить: для чего ему надо издавать журнал? Теперь же понимаю, в чем дело: он сам оказался стихотворцем и писателем драм в стихах, и мне кажется, он решился даже рискнуть капиталом, чтоб видеть собственные свои сочинения в печати» (30₁, 58). В журнале Навроцкий регулярно печатал свои исторические драмы (см.: *Русская речь* 1879 № 1—3; 30₁, 290). По воспоминаниям М. В. Каменецкой, его стихотворение «Утес Стеньки Разина» («Есть на Волге утес, Диким мохом оброс...») стало в 1870-е гг. популярной песней среди народнической молодежи (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 379, 554) В числе постоянных сотрудников «Русской речи» были. А. Д. Градовский, Е. Л. Марков и др. «Вообще же журнал не возбудил *здесь* (в Петербурге. — С. И) (кроме статей Данилевского и Градовского) никакого эффекта», — писал Новиковой Достоевский (30₁, 58). Попутно отметим, что выражение «Чухонские Афины» (Петербург) восходит, вероятно, к Н. Ф. Шербине (см.: *Шербина Н. Ф.* Избр. произв. Л., 1970. С. 278, 555. (Б-ка поэта))

² Автор романа «Ненастье» (1879 № 1—5) — Анфиса Петровна Львова (урожд. Белавинская; псевд. «А. Б.»; 1822—1891), драматург, прозаик. Сотрудничала в «Отечественных записках», «Семейных вечерах», «Русской речи» и др. Основная тема прозы Львовой — разоренное реформой «дворянское гнездо». Благожелательный отзыв на начало романа дал В. П. Буренин (Новое время. 1879. 5 янв. С. 3) (подробнее о Львовой см.: *Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь.* М., 1994. Т. 3. С. 427 — статья Н. А. Громоной). «Насчет повести „Ненастье“, — писал Достоевский, — ничего не знаю, потому что до сих пор не читал, но слышал и здесь благоприятные отзывы» (30₁, 58).

³ Речь идет о статье Новиковой «Вести из Англии (По поводу Берлинского трактата)» (Московские ведомости. 1879. 24 марта. № 74, см.: *Летопись..* Т. 3. С. 311). «Вашу статью, — писал Достоевский 28 марта 1879 г., — прочел с великим удовольствием, хотя и не все в ней *развито* (по краткости), но тон именно такой, как надо. Почаще бы им (англичанам и европейцам) читать в этом роде» (30₁, 59). Внешнеполитическая позиция Достоевского близка тезисам и рекомендациям Н. Я. Данилевского в статье «Россия и Восточный вопрос», «случайно», по словам Достоевского, опубликованной в

«Русской речи» и имевшей «эффект» (30₁, 58; см. примеч. 1 к письму 1, примеч. 1 к письму 5).

⁴ Достоевский ответил 28 марта 1879 г. (30₁, 58—59).

6

3 апреля 1879 г. Москва

Д(ом) Новикова. Трубный
переулок, близ Поварской.
Москва. 15/3 апреля.

Многоуважаемый Федор Михайлович, сердечно благодарю за Ваше доброе письмо.¹ Сейчас прочла статью в 6-м № «Русской речи» какого-то В. П. Она меня возмущает до глубины души. Эти клеветы на наших добровольцев в Сербии, на Черняева, виноватых, видите ли, в результатах берлинского конгресса — это просто из рук вон.² Ведь уж, конечно, не я обращусь к г-ну Навроцкому за какими-нибудь любезностями!³

Вся Москва поражена злодействам 2-го апреля. Встречаем людей, готовых накинуться на первого встречного, на невинного как на виноватого.⁴ Вчера на большом одном обеде нашелся господин, утверждавший, что «наступило время действовать наперекор Екатерине II-й: лучше казнить 10 невинных, чем пропустить одного виновного».⁵ Я прямо возразила, что, к счастью, наш Государь не стыдится подражать великодушию своей бабки и что он не признает другого основания строгости, как справедливость. Но ведь эти толки вам доказывают, до чего сильно возбуждение.

Оправдание евреев в Кутаиси здесь не иначе объясняется как подкупом.⁶ Все это так грустно, так тяжело, что не знаешь, как Бог поможет Государю сохранить его обычную доброту и не сойти с пути реформ, которые ознаменовали его царствование. А ведь эти убийцы подлинно не ведают, что творят! Нет никакой возможности понять: чего они добиваются? Но, верно, что не благо России дорого им, а какие-то мелкие, гадкие побуждения.

Видела вчера Влад(имира) Серг(еевича) Соловьева, очень расстроенного преследованием, которым подвергают его статьи. Вот нашли опасного писателя!⁷ Неужели в Петербурге решительно не способны отличать друзей от врагов? Но я заболталась, простите. Когда же появится продолжение «Карамазовых»?⁸ Жду не дождусь. Душевно Ваша О. К(иреева).⁹

На конверте: Его Высокоблагородию,
Федору Михайловичу Достоевскому.
На углу Ямской и Кузнечного
переулка. Д. № 2-й. С. Петербург.

Штемпель: «5 апр(еля) 1879 Москва».

На конверте отметка рукой Достоевского в виде косога креста.

Год устанавливается по почтовому штемпелю на конверте.

Фрагмент письма опубликован: Неоконсерватизм в странах Запада: Реферативный сборник. М., 1982. Ч. 2. С. 255—256.

¹ Письмо Достоевского от 28 марта 1879 г. (30₁, 58—59).

² Речь идет о статье «Освободительная деятельность России на Балканском полуострове» (Русская речь. 1879. № 3. 2-я паг. С. 27—53; подпись: В. П., авторство статьи установить не удалось), в которой «тяжелые уступки» России объяснялись как «печальный итог нашей освободительной деятельности», кампании, по мнению автора, положившей начало охлаждению славянских народов к России из-за полного нравственного разложения в русской армии (С. 36—38).

³ Сотрудничество Новиковой в «Русской речи» не установлено.

⁴ 2 апреля 1879 г. в начале 10-го утра было совершено покушение на императора. Не получив санкции «Земли и воли» на царевниство, А. К. Соловьев несколько раз безрезультатно выстрелил в Александра II, гулявшего около Зимнего дворца; схваченный на месте, пробовал отравиться; казнен 28 мая 1879 г. (см.: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. Семидесятые годы / Сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. М., 1932. Т. 2. Вып. 4. Стб. 1568—1570). Исключительность этого покушения, по мнению современника, заключалась не только в его дерзости, но и потому, «что преступник оказался воспитанником придворной среды: он был сыном какого-то служителя из Аничковского дворца и учился на казенный счет (...). Ночь перед покушением он провел у Анны Павловны Философовой» (Головин К. Мои воспоминания. СПб., 1908. Т. 1. С. 371). Достоевский, напуганный слухами об аресте Философовой, посещает ее (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 38; Летопись... Т. 3. С. 312). В «Очерках прошлого» Де-Воллан писал об обстановке в городе: «Хватание каждого подозрительного лица не обещает ничего хорошего» (подробнее об этом см.: Волгин И. I. Последний год Достоевского. С. 16—20).

⁵ Крылатое выражение (перевернутое здесь) в европейской юриспруденции; русски вариант восходит к «Воинскому уставу» Петра I и повторен в «Своде законов Российской империи...». Достоевский приводит этот афоризм в речи адвоката Фетюковича (см.: 15, 173, 603 — комментарий В. Е. Ветловской).

⁶ В письме от 28 марта 1879 г. Достоевский писал: «Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали. Тут несомненно они виноваты. Я убежден из процесса и из всего, и из подлой защиты Александрова, который замечательный здесь негодяй — „адвокат нанятая совесть“» (30₁, 59). Имелось в виду «Дело о похищении и умерщвлении еврейми крестьянской девочки Сарры Иосифовой Модебадзе», слушавшееся в Кутаисском окружном суде 5—13 марта 1879 г. Процесс освещался в газетах (см.: 30₁, 291; Летопись... Т. 3. С. 311).

⁷ Вл. Соловьев познакомился с Новиковой в 1875 г. в Лондоне, где в это время работал в Британском музее; был частым посетителем ее лондонского салона (см. биогр. справку). Вероятно, речь идет о каких-то трудностях при публикации «Чтений о Богочеловечестве» (7-е и 8-е) (Соловьев В. С. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 1912. Т. 3). См. также: Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. Раскол в консерваторах (Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев в споре об общественном идеале) (Обзор) // Неоконсерватизм в странах Запада: Реферативный сборник. М., 1982. Ч. 2. С. 227—295.

⁸ Продолжение романа «Братья Карамазовы» (часть вторая, книга четвертая, главы I—VII) вышло 1 мая 1879 г. в апрельском номере «Русского вестника» (см.: Летопись... Т. 3. С. 316—317).

⁹ Ответное письмо Достоевского неизвестно.

7

9 июня 1880 г. Москва

Д(ом) Новикова. Трубный
пер(еулок). 1880 г.*
Понедельник.

Дорогой Федор Михайлович,** вчерашний день, благодаря Вам, действительно, велик! Но Вашей гениальной речи не подобает появиться в Чухонских Афинах; Катков будет счастлив напечатать ее на каких

* Год вписан рукой А. Г. Достоевской.

** В тексте ошибочно: Михаил Федорович

угодно условиях, *в этом не сомневаюсь*.¹ Посылала к нему. Он на даче. Не поедете ли к нему? Это близехонько: по Курской дороге, ст(анция) *Бутovo*, имение *Знаменское* (от станции пролетка доведет в минут 20). Я могу ему телеграфировать. Если согласны,* я была бы рада ехать с Вами, нас обоих примуг с распростертыми объятиями. Ваша душевно О. К(иреева).

Р. С. Если выехать утром, то вернуться можно в тот же день без малейшего затруднения. Решите.²

Частично опубликовано: Лит. наследство Т. 86. С. 510; 26, 470; *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. С. 386; *Летопись...* Т. 3. С. 433—434.

¹ Исчерпывающий список литературы о Пушкинских торжествах и Речи Достоевского приведен: 26, 441—507; об откликах современников см.: Лит. наследство. Т. 86. С. 500—524. Публикации Пушкинской речи Достоевского добывались С. А. Юрьев, М. Н. Катков и А. С. Суворин (см.: 26, 456—457, 30₁, 147, 161, 181, 328—329, 360; Лит. наследство. Т. 86. С. 509). Еще 8 июня Достоевский не знал, кому отдать Речь для публикации. Выбор катковского издания был, как известно, обусловлен рядом весьма случайных причин. Возможно, что окончательное решение было принято после письма Новиковой, переданного с посылным (не исключено, что с К. А. Иславиным, секретарем редакции «Московских ведомостей», которому в 2 ч. дня 9 июня Достоевский вручил свою Речь для доставки ее Каткову, см.: 30₁, 358; *Летопись...* Т. 3. С. 434—435). Скорее всего, именно Новикова, получив текст от Иславина, везет его на дачу Каткову. Ночью Достоевский получает телеграмму Иславина «из редакции», что «речь принята с удовольствием» (о вероятном посредничестве Новиковой см.: 26, 470; *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. С. 386—387).

² На даче у Каткова 9 июня Достоевский не был.

Мария Александровна Поливанова (урожд. Наумова; 1840—1921) — жена Л. И. Поливанова, известного педагога, филолога, основателя и директора классической мужской гимназии («поливановской»), председателя Комиссии по открытию памятника Пушкину в Москве, одного из непосредственных распорядителей Пушкинских торжеств, в организации которых близкое участие принимала и Поливанова, помогая мужу.

Знакомство Достоевского с Поливановым и его женой состоялось в Москве 30 мая 1880 г. (см.: 30₁, 160—161, 171—172, 346, 436; *Летопись...* Т. 3. С. 420). 9 июня 1880 г., вечером в девятом часу, Поливанова в восторженном состоянии от Пушкинской речи Достоевского посетила его в «Лоскутной» гостинице. Дневниковая запись, сделанная ею (вероятно, сразу же после посещения) «для себя, с целью сохранить во всех подробностях пережитые высокие впечатления», позже была опубликована ее сыном И. Л. Поливановым и сопровождается его комментариями (*Поливанова М. А.* «Запись о посещении Ф. М. Достоевского (9 июня 1880 г.)» // *Голос минувшего*. 1923. № 3. С. 29—38; то же: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников Т. 2. С. 433—438, 569—571). Формальным поводом к визиту стало желание Поливановой как жены председателя Комиссии Общества любителей российской словесности просить писателя «текст его речи, чтобы списать ее для себя» (*Поливанова М. А.* «Запись о посещении...»). С. 34). «Дерзновение» прийти к Достоевскому в последний вечер его пребывания в Москве объясняется ее сыном: «Она была посвящена и во все мелочи этой сложной организации (Пушкинских празднеств. — С. И.), и во все, что в этом событии крупного общественного значения имело характер первенствующий. Речь Достоевского, и до того бывшего властителем ее духовных интересов, конечно, была в этом празднике для ее впечатлительной и глубокой природы наибольшим душевным событием,** — отсюда и то „дерзновение“, которое привело ее к Достоевскому» (Там же. С. 33—34). Сама Поливанова так объясняла этот поступок: после «потрясающих великих минут настало бездействие, воцарилась тишина, и только дрожали еще струны души, в которые ударились мощные волны чудной речи Достоевского (...) Меня тянуло взглянуть еще раз на него, услышать его голос, внимать его словам» (Там же. С. 29).*** Беседа Достоевского с Поливановой (позже к ним присоединился С. А. Юрьев)

* Далее было ехать

** Происходила из семьи немецкого пастора (*примеч. И. Л. Поливанова.* — Там же).

*** Текст «Речи» от него она не могла получить, но из «Московских ведомостей» списала ее в свою тетрадь — Album, в которую вписывала наиболее важные «документы» протекавшей общественной жизни (*Примеч. И. Л. Поливанова.* — Там же. С. 37—38).

продолжалась около трех часов, и дневниковая запись, вероятно, довольно близко передает ее содержание; во всяком случае факты, приведенные здесь, не противоречат известным сведениям о Достоевском (причины, побудившие писателя отдать Речь в «Московские ведомости», а не в «Русскую мысль», для которой она предназначалась; его намерение издать Речь отдельным выпуском «Дневника»; примирение двух стариков и т. д.). Завязавшийся разговор о «Пиковой даме» Пушкина и предложение Достоевского перечитать повесть и написать ему о своих впечатлениях явились поводом к переписке, основной темой которой стала семейная драма Поливановой — супружеская измена мужа, сложные чувства, переживаемые ею, и нечаянная роль самого Достоевского, его Речи в разрешении этой деликатной ситуации (по мнению Волгина, ставшей первой бытовой проверкой глобального призыва «Смирись, гордый человек!», см.: *Волгин И. Л. Последний год Достоевского*. С. 380; его же подробный комментарий воспоминаний Поливановой и «нелитературной» семейной истории см. в отдельной главе «Боковой сюжет»: Там же. С. 373—383). После смерти Достоевского Поливанова обратилась к А. Г. Достоевской с сочувственным письмом (РГБ, ф. 93.П.7.106; частично опубли.: Лит. наследство. Т. 86. С. 538). Известны два письма Достоевского к Поливановой (1880) и шесть ее к нему (1880; РГАЛИ, ф. 2191, ед. хр. 1). Письма публикуются по копиям А. Г. Достоевской (РГБ, ф. 93.П.7.105; все подписи корреспондентки вымараны, за исключением начальных букв. По убедительной гипотезе Волгина, Анна Григорьевна вернула подлинники по просьбе Поливановой, сняв, однако, копии и вымарав в них подписи: *Волгин И. Л. Последний год Достоевского*. С. 383).

М. А. Поливанова — Достоевскому

1

22 июля 1880 г. Москва

Глубоко уважаемый Федор Михайлович.

9-го июня, накануне Вашего отъезда из Москвы, когда я была так счастлива быть принятой Вами,¹ Вы при прощании с Сергеем Андреевичем Юрьевым² стали говорить о «Пиковой даме» Пушкина и посоветовали мне ее прочитать, как только вернусь домой.³ Я исполнила это. Ваш рассказ о Германне, о том, что и как он должен был чувствовать, когда счастье свое ставил на карту, глубоко веря этой карте и в то же время задыхаясь и дрожа от величайшего волнения души,⁴ — меня не только заинтересовал, но просто взволновал меня: 23 года прошло с тех пор, когда я читала «Пиковую даму» в первый раз. Я забыла всю суть рассказа, действующие лица, все. Помнила я только, что чтение это навело на меня какой-то страх. Мне казалось, что я встретила привидение, и мне страшен стал даже вид книги. Я более не возвращалась к этому рассказу. Теперь, возвратясь от Вас, я вновь прочитала его и вновь испытывала тот же страх. Германн стоял предо мной как живой в обществе своих товарищей, где впервые упоминается слух о роковых картах. С невероятной скоростью и цепкостью разрастается в душе его идея о возможности достижения счастья известными картами. Как болезненно-уверенно пробивается он к цели, не разбирая средств. Читая, как он вошел в спальную княгини, мне казалось, я сама там и вижу его. Я боялась шевельнуться, меня пугал малейший шорох в доме. А потом его игра, его поражение внезапное, неожиданное, полнейшее! Да, ужасная сила фантазии! Все нервы натягиваются до последней возможности, но возвратиться к такому возбуждению я не желала бы. На меня действует «Пиковая дама» именно как встреча с привидением.

Вы были так добры, что позволили мне написать Вам впечатление, вынесенное мной после чтения «Пиковой дамы», и я пользуюсь этим с *большой* благодарностью. Возможность Вам писать является мне спасением. Вам Господь даровал великую силу: делать людей лучше. Никто в мире, кажется мне, не понимает человека так вполне, как Вы, никто не любит* бессмертную душу человека так по-христиански, как Вы, а поэтому Вы и не можете *презирать* никого. Вот почему я отваживаюсь писать Вам.

Я *очень* несчастна, мне тяжело живется, но еще тяжелее было, когда я утрачивала веру в хорошее, в правду, когда, ошеломленная, я не знала, где истина, что дурно и что хорошо. Теперь я уж не в таком отчаянии, и путеводителем мне служите Вы. Читая Ваш «Дневник», я часто бываю потрясена правдой, высказываемой Вами с таким горячим и глубоким убеждением.⁵ Я черпаю все новые силы в Вашем богатстве и чувствую, как почва вновь твердеет подо мной. Это Господь послал мне Вас. О, позвольте и впредь писать Вам, когда мне нужна будет помощь!⁶ Пред Вами я готова всю душу открыть и знаю, что Вы не подадите камня просящему хлеба.

А теперь я Вам сделаю вопрос, вопрос, может быть, очень наивный, но для меня важный. Может ли ненормальное положение вещей, ненормальное и тяжелое отношение между хорошими людьми тянуться без конца, целыми годами, до самой смерти и не найти разрешения? Неужели разрешение это зависит только от характеров? Может ли человек двоиться вечно и не пожелать, не сделать усилий, чтобы выйти из такого положения?⁷

Извините, глубокоуважаемый Федор Михайлович, что обращаюсь к Вам, как к знакомому и близкому человеку. Ведь это я Вам незнакома, а Вас я уж давно знаю и также знаю, что Вам все люди близки, потому что они для Вас «ближние» Ваши.

С искренним почтением вполне Вам преданная М(ария) П(оливанова).**

Адрес мой: На станцию Мангушево, Нижегородской губернии по Симбирскому тракту. Сельцо Загарино. Марья Александровне П(оливановой).⁸

22 июля 1880 г.

Фрагменты письма опубликованы: *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. С. 377; 30₁, 371.

¹ Поливанова посетила Достоевского в гостинице «Лоскутная» 9 июня 1880 г. (см. биогр. справку). В письме к ней от 16 августа 1880 г. Достоевский писал: «В ум же и в доброе верное чувство Ваше я не могу не верить, помня наше свидание (...) В одно это свидание я не только научился Вас ценить и уважать, но и *поверил* Вам, а уж в кого я поверю, то уж раз навсегда» (30₁, 210).

² Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888) — критик, общественный, литературный и театральный деятель, переводчик Шекспира, Кольриджа, Лопе де Веги. Редактор-издатель либеральных журналов «Беседа» (1871—1872) и «Русская мысль» (1880—1885), к сотрудничеству в котором приглашал Достоевского. В апреле 1880 г. Юрьев просил писателя

* *Далее было*: так вполне

** Здесь и далее во всех письмах имя и фамилия, кроме первых букв, густо зачеркнуты.

дать для «Русской мысли» статью о Пушкине (30₁, 147, 328—329), однако в конце мая как «человек беспорядочный», по выражению Достоевского, «в новом виде Репетилов» (30₁, 158—159) от своей просьбы отказался (подробнее о разногласиях с Юрьевым по поводу публикации Речи и последовавшем за ними обещании ее Каткову см. письмо Достоевского жене от 25 мая 1880 г. — 30₁, 158—159; 26, 442—444, 456—457). В «Записи» Поливанова подробно описывает визит Юрьева, пришедшего после шумного успеха Речи к Достоевскому просить ее для публикации в «Русской мысли»; писатель «высказал недоверие к сотрудникам этой редакции, причем трепал Юрьева по руке и повторял только, что ему „не нравится, не нравится“, что это „не то, вовсе не то“, что нет „единства“ в журнале, что сотрудники противоречат друг другу» (Поливанова М. А. (Запись о посещении...)). С. 31).

³ В дневниковой записи Поливановой: Достоевский «спросил меня, читала ли я „Пиковую даму“. Я сказала, что читала ее, когда мне было семнадцать лет, а после никогда не приходилось. „Прочитайте ее, как только приедете домой. Вы увидите, что это. Напишите мне ваши впечатления“» (Там же. С. 33).

⁴ «Достоевский оживился несказанно, — вспоминала Поливанова, — (...) „Недавно перечитал я его „Пиковую даму“. Вот фантазия. Мне самому хочется написать фантастический рассказ. У меня образы готовы“ (...) точно в лихорадке, с блеском в глазах он стал говорить о „Пиковой даме“ Пушкина. Тонким анализом проследил он все движения души Германа, все его мучения, все его надежды и, наконец, страшное, внезапное поражение, как будто он сам был тот Германн (...) меня самое била нервная лихорадка, и я сама стала испытывать все ощущения Германа, следя за Достоевским» (Там же. С. 31—33). Продолжением этого анализа писателя звучит его объяснение природы фантастического в письме к Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880 г.: «...фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны почти поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал „Пиковую даму“ — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германа, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов. (NB. Спиритизм и учения его.) Вот это искусство!» (30₁, 192, 362. Исчерпывающий список работ, посвященных отношению Достоевского к «Пиковой даме», см.: 7, 383).

⁵ Отвечая на это замечание Поливановой, Достоевский писал 16 августа 1880 г.: «В мнениях тех людей, которых я уважаю и в ум и сердце которых верю, — я всегда нуждаюсь для духовной поддержки. Вы же мне столько написали хорошего и доброго о впечатлении, произведенном на Вас „Дневником“ еще прежним» (30₁, 210).

⁶ В ответном письме Достоевский писал: «Вы пишете, что хотели бы еще писать ко мне. Напишите непременно. Повторяю, только искренние и прозорливые сердца, как Ваше, способны поддержать человека» (30₁, 210).

⁷ «Вы задаете мне (...) очень трудный вопрос, — отвечал Достоевский, — (...) *Двоится* человек вечно, конечно, может, но, уж конечно, будет при этом страдать» (30₁, 210—211). «Общий» вопрос, заданный Поливановой, безусловно, правильно был прочтён Достоевским: не в плане личной раздвоенности — от этого мучительного ощущения писатель советует другой своей корреспондентке Е. Ф. Юнге «предаться» Христу «вполне, и муки от этой двойственности сильно смягчатся, и Вы получите исход душевный» (30₁, 149). Советы Достоевского Поливановой другие: «Если нет надежды на исход, на добрый всепримиряющий исход, то надо, по возможности не надрывая ничего, найти себе исход в какой-нибудь новой, посторонней деятельности, способной дать пишу духу, утолить его жажду» (30₁, 211. Ср.: *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. С. 377—378).

⁸ Достоевский ответил 16 августа 1880 г. (30₁, 210—211, 371). Попутно отметим, что в письме отчетливо читается Загарин (имение Поливановой), а не Загорено (см.: *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. С. 377; Легопись... Т. 3. С. 452), отсюда — один из псевдонимов Поливанова «Загарин П.» (см.: *Загарин П. В. А.* Жуковский и его произведения. М., 1883).

25 августа 1880 г. Москва

Горячее спасибо Вам, глубокоуважаемый Федор Михайлович, за Ваше письмо, за Вашу доброту ко мне. Вы верите мне! Вы лично посылаете мне № Вашего Дневника!¹ О, спасибо Вам за все, за все. Я и не умею Вам выразить всю мою признательность. Я так счастлива, как не была уже давно.

Все, что Вы написали о моем «вопросе», так верно и хорошо, я отлично поняла слова Ваши «не надрывая ничто».² Поверьте мне, я этого и не сделаю никогда, не буду ни надрывать, ни разрушать, хотя и бывают минуты, что желала бы лежать глубоко в земле. Избранники мира сего счастливые, талант их возносит над всем тем, что простых смертных пригибает к земле, поэтому мы и обращаемся к Вам за помощью.³ Я только вспомню о Вас, о Вашем Дневнике, и мне сейчас делается легче, светлее. И у меня есть деятельность, да еще такая, что совершенно срослась с моим бытием: у меня 5 человек детей, три девочки и два мальчика. Старшей 17, младшему 5 лет. Но эта деятельность, без которой я жить не могу, в то же время постоянно растрavляет рану мою. Тринадцать лет, донельзя счастливая в своем супружестве, шла я в этом рука об руку с мужем и детей любила больше потому, что это его дети. А потом, после того как все только и удивлялись нашему продолжительному счастью, совершился переворот, мучительный для обеих сторон. Он почувствовал себя более оцененным и лучше понятым *другой*. После катастрофы осталась я беременной, и вот младшему сыну моему, Левушке, 5 лет. Кроме детей, у меня все хозяйство по Учебному заведению и забота о пансионерах, как в нравственном, так и в физическом отношении, лежит отчасти также и на мне.⁴ Раньше 11 ч(асов) ночи я никогда не освобождаюсь от всех хлопот. А тут пустой кабинет, страшное одиночество, не с кем слова перемолвить. Потом в 12, в 1 приезжает он. Мы сидим еще, часто до 2 час(ов), занимаемся корректурой, разговариваем, но *очень* часто нам обоим как-то неловко. Не говорю уже о тяжелых минутах полнейшего непонимания друг друга, болезненного желания с его стороны доказать, что при всем его желании ничего общего между нами и быть не может. Всего более боялась я, чтоб дети не заметили нашу рознь. Я всеми силами старалась отвлечь их от этого, скрыть все и успела. Никто из них ничего не видит, разве что старшая, и то бессознательно наталкиваемая посторонними. Но Вы поймете, как трудно давалось это мне: вечно играть комедию перед детьми. В эти шесть лет стала я машиной какой-то. Я забыла, как люди делятся мыслями и чувствами. Часто бываю я веселая в обществе, так что сама себе удивляюсь, между тем как тяжесть моего горя гнетет меня и сознание его не покидает меня ни на единую минуту. Проходят целые недели сряду, что, просыпаясь утром, я с содроганием сознаю, что надо опять жить. Конечно, стоит только Льву Ив(ановичу) быть повеселее, пообщительнее и сейчас является у меня надежда на лучшее. Главное ведь то, что вижу я, как он сам глубоко несчастен, как он терзается. Ведь он переменялся не только ко мне, он вообще стал

другим человеком. От семьи своей он отстал, там не пристал, и вот он двои́тся без конца и даже и в прочих вопросах жизни. Мне казалось прежде, что было бы лучше, если б я исчезла с его дороги, а теперь — верите ли, дорогой Федор Михайлович, я убеждена, что он тогда будет еще несчастнее. Он был моим кумиром, и я не помнила себя, любя его. А знаете, горе иначе и не могло коснуться меня, как именно с этой стороны. Это была моя Ахиллесова пята. Чтó бы ни случилось, ну — смерть детей моих — у меня оставалось *то*, главное-то, не тронутым, чистым, священным. Я уверена, что Господь послал мне это горе как наказание за сотворение кумира себе. Только страшно нести горе, за которое стыдно тебе, которое составляет пятно в твоей жизни. Страшно!

«У нас с ним нет ничего общего», и это после того, как тринадцать лет у нас *все* было общее, и сама «она» должна была сознаться, что не видала еще никогда такого семейства и таких супругов. С тех пор все переменялось!

Летом в 1874 г(оду) я собралась в деревню раньше Льва Ив(ановича) и искала кого-нибудь для практики фр(анцузского) яз(ыка) к детям. Мне рекомендовали девушку из богатой дворянской семьи, знающую фр(анцузский) яз(ык) лучше русского, жившую в Париже и желавшую собственным трудом зарабатывать себе деньги.⁵ Одна дама заметила мне, что в нынешнее время опасно для семейной жизни брать таких «самостоятельных» девиц в дом. Я рассорилась с этой дамой, но сердце мое дрогнуло. Мне хотелось, чтоб девушка эта отказалась от нас, но это мне не удалось. Я отправилась с ней и с детьми в деревню. Она сказала мне, что у ней жених, но не верила в прочность любви, говорила, что брак безнравственное дело, что в нем человек постоянно сам себя насилует, что мужчины все одинаковы и что она беретса всякою вскружить голову и завлечь его. Меня кольнуло, но я отгоняла от себя всякий страх и всякую подобную мысль, как недостойную Льва Ив(ановича). Мне стыдно было самой пред собой. Потом приехал он. Потом, недели через четыре, в деревне, без всякого дела, без общества (мы тогда не знали никого из соседей) стало совершаться то, что переменяло все у нас. Чтó было, как я страдала, как я безумствовала и как я, может быть, много способствовала моему же несчастью — я не найду слов Вам описать. При этих воспоминаниях мне всегда хочется броситься лицом на пол и так лежать и лежать... О «ней» я не буду говорить много. Не буду беспристрастна. Скажу только одно. Меня поразило в ней сразу: необыкновенный цинизм рядом с высоким пониманием всего прекрасного, необыкновенное умение говорить, просто дар слова, и говорить остроумно и — льстить.

Прошедшую зиму мы прожили с мужем лучше, чем обыкновенно. Он более сблизился с семьей, интересовался детьми, более втягивал меня в занятия. Потом сблизил нас Пушкинский праздник, т. е. приготовления к нему. Я старалась забыть о «ней» и всем сердцем надеялась. И вот случилось именно то, по поводу чего я и обратилась к Вам. После Вашей речи 8-го июня* шла я потрясенная среди толпы в другую

* В тексте ошибочно: 8 июля

залу и вдруг сталкиваюсь с «ней». Она бросилась ко мне, обняла меня, целовала мои руки, говорила, что она очень несчастна, просила прощения или что-то в этом роде. Мне ее стало жаль невыразимо, и притом я знала, что все-таки она любит его в самом деле и глубоко. До этих пор каждая мысль о ней сопровождалась желанием ей смерти. Если я встречала ее, то меня охватывала чуть не дурнота. Я ненавидела ее всем моим существом, мне хотелось приковать ее ко дну реки. А тут все как рукой снялось. Кроме безграничной жалости к ней, ничего не оставалось во мне. Мы поцеловались и поговорили несколько незначительных слов. Потом виделись вечером в Благор(одном) Собрании⁶, и опять обменялись несколькими словами. Потом написала я ей о своей радости, что ненависть к ней исчезла во мне, что не считаю ее более своим врагом. На это ответила она мне длинным письмом, слишком не «простым», в котором она надеется, что мы с ней будем «друзьями», что будем составлять счастье Л(ьва) Ив(ановича). Последний ко всему этому относился *никак*, ему, скорее, все это было *неприятно*. И, знаете, что я сделала после этого? Я написала ей, повторив, что в самом деле, точно по волшебству, исчезла в моей душе последняя искра злобы и ненависти к ней, но вместе с тем я чувствую, что «друзьями» мы быть не можем, что сознание совершившегося слишком ужасно и никогда не покидает меня, что понятия о возможности счастья у нас слишком различны, что «он», при существующих обстоятельствах, — *не может* быть счастливым и что *это* сознание гнетет меня более всего. Я должна была написать ей это, чтоб избежать всяких недоразумений и недомолвок; чтоб она не ожидала от меня большего, нежели я в состоянии дать. И еще Вам вот что скажу: утром, в день Вашей речи, я встретила с ней одна, вечером были дети со мной. Она подошла ко мне. Старшая, не любившая ее, когда она еще жила у нас, отошла сейчас же, оба другие не помнили ее и смотрели на нее с любопытством, с кем это мама говорит! А мне стало стыдно перед детьми и обидно за них. Ну, представьте себе, что тут подошел бы еще Л(ев) Ив(анович). Как посмотрели бы мы друг другу в глаза, а главное, на детей своих? Я почувствовала себя, точно я отказалась от всякого понятия чистого, незапятнанного семейства и стала сообщницей в противном. Может быть и наверное, по характеру ли моему что ли, способствовала я несчастью, почему и не хочу никого ни обвинять, ни осуждать, но идти на сделку, согласиться на *mépage à trois** — я не могу. А я знаю, что это ее мечта. Может быть, это очень скверно с моей стороны, жестоко и черство и доказывает тупую гордость мою, неумение любить и жертвовать собой — я, ей-Богу, не знаю и путаюсь. Как взгляну на детей, доверяющих и ничего не подозревающих, то не могу, да и только.

Вот на что ответьте Вы мне, дорогой Федор Михайлович, а прежний вопрос был не так поставлен и вышел беспорядочный из хаоса души моей.⁷

Завтра я еду в Москву и отошлю это письмо из Нижнего. Надеюсь получить проездом на станцию Мангушево «Дневник Писателя».⁸ Как я рада, что с января Вы снова будете издавать его. И как я бы желала,

* брак втроем (франц.).

чтобы Вы приехали нынче зимой в Москву,⁹ Дай Бог Вам здоровья и сил продолжать Ваше дело. Поэтому *берегите себя*, ради Христа.

Отвечаю на Ваше пожатие руки крепко и радостно и остаюсь глубоко Вас уважающая и всем сердцем благодарная Вам

М(ария Поливанова)

25-го августа 1880.

Адрес московский: Пречистенка, дом Степанова.¹⁰

Фрагменты письма опубликованы: *Волгин И. Л. Последний год Достоевского. С. 378—380; Летопись... Т. 3. С. 468.*

¹ 16 августа 1880 г. Достоевский писал Поливановой: «... только что издал в Петербурге объемистый № „Дневника писателя“ (...) Этот выпуск „Дневника“ будет Вам выслан завтра же. Прочтите и напишите мне о нем что-нибудь» (30₁, 210. См. также примеч. 5 к письму 1). Этот выпуск «Дневника» «мое profession de foi* на все будущее (...) То, что написано там — для меня роковое» (из письма Достоевского К. П. Победоносцеву — 30₁, 204; см. также: 30₁, 198; 26, 174).

² См. примеч. 7 к письму 1.

³ «Я имею у себя всегда, — писал Достоевский, — готовую писательскую деятельность, которой предаюсь с увлечением, в которую полагаю все старания мои, все радости и надежды мои и даю им этой деятельностью исход. Так что предстань мне лично такой же вопрос, и я всегда нахожу духовную деятельность, которая разом удаляет меня от тяжелой действительности в другой мир (...) Но каково тем, у которых нет такого исхода, такой *готовой* деятельности, которая всегда их выручает» (30₁, 211. См. также примеч. 7 к письму 1).

⁴ Речь идет о руководимой Л. И. Поливановым мужской классической гимназии (учрежденной им в 1868 г.), в которой он преподавал русский язык, словесность, логику, латынь, см.: Памяти Л. И. Поливанова: (К 10-летию его кончины). М., 1909.

Выпускниками «поливановской» гимназии, одного из самых популярных учебных заведений Москвы, были: Вл. С. Соловьев, Л. М. Лопатин (помогавший Достоевскому во время Пушкинских торжеств; «чрезвычайно» умный, «в высшей степени моих убеждений» молодой человек — 30₁, 173—174), А. М. Сливичкий, сынвья Льва Толстого, В. Брюсов, А. Белый. Пожалуй, наиболее интересные воспоминания о Поливанове оставил Андрей Белый (см.: «Лев Иванович Поливанов» и «Поливановская гимназия // Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 259—298). Это «был готовый художественный шедевр (...) не человек, а какая-то двуногая, воплощенная идея: гениального педагога. Все прочее, что не вмещалось в „педагоге“, не было интересно в Поливанове» (Там же. С. 260). Поливанов стал прототипом Льва Петровича Веденяпина в романе А. Белого «Москва» — «Первая часть. Московский чудак» (М., 1926).

⁵ Речь идет о Варваре Петровне Кобылинской (ум. в 1907 г.), матери Льва Львовича Кобылинского (поэт, переводчик, критик; псевд. «Эллис»; 1879—1947) и Сергея Львовича Кобылинского (1882—?), побочных сыновей Л. И. Поливанова (см.: *Белый Андрей*. Начало века. М., 1990. С. 39—64, 574 — комментарий А. В. Лаврова; *Цветаева А.* Воспоминания. М., 1983. С. 258).

⁶ 8 июня в 9 ч. в зале Благородного собрания состоялся заключительный литературный вечер, на котором Достоевский читал «Песни западных славян», «Пророк» и др. (см.: *Летопись... Т. 3. С. 432—433*).

⁷ См. письмо 1 и примеч. 7 к нему. В письме от 18 октября 1880 г. Достоевский писал Поливановой: «Конечно, никакая сделка невозможна, и Вы правильно рассуждаете и чувствуете. Но если он становится другим, то, хотя бы и продолжал быть перед Вами виноватым, Вы должны переменить к нему (...) будьте и Вы *дружелюбнее* (...) Не безмолвным многолетним попрехом привлечете Вы его к себе (...) И не слишком ли Вы увлекаетесь, думая про меня, что я могу столько значить в Вашей судьбе? Я не смею взять столько на себя» (30₁, 221).

⁸ См. примеч. 1 к этому письму.

* исповедание веры (*франц.*).

⁹ «Не знаю, — писал Достоевский 16 августа 1880 г., — удастся ли побывать осенью или в начале зимы в Москве. Даже бы надо уже по делам только» (30, 211). После Пушкинских торжеств Достоевский больше не был в Москве.

¹⁰ Достоевский не ответил на это письмо.

3

8 сентября 1880 г. Москва

Москва. 8-го сент(ября) 1880 г.

Глубокоуважаемый Федор Михайлович.

Как рассчитывала, так и случилось: в Мангушеве лежал № Дневника Писателя. Спасибо Вам.¹ На пароходе из Лыскова до Нижнего я проглотила его с сердцебиением, чувствуя всю правду, а потом здесь, в Москве, читала я его со спокойным духом.

Все эти Градовские, Успенские² и т. д. своей недобросовестной критикой успели смутить многих. Особенно тех, которые не слышали Вас и, прочитав кого-нибудь из тех героев, в смущении спрашивали себя: полно, не увлекаемся ли мы, не ошибаемся ли мы? Мне приходилось это слышать не раз. Вот для этой публики *необходимо* было Ваше предисловие к Речи. Вы не можете себе даже представить, как необходимо.

Если б критика тех господ выражала их убеждения, честно отстаиваемые, то можно согласиться или не соглашаться с ними, но дело в том, что, как *мне* кажется, им решительно *все равно*, где именно истина, только бы наполнить страницы своего издания да сделать это поэффектнее. А тема «эффектная»: опозлить самого Достоевского, опозлить тот нравственный подъем 8 июня и доказать, что это было не что иное, как дым, туман, пущенный талантом на слабодушных. Зло брало меня, читая всю эту недостойную болтовню. Мне хотелось быть писателем, чтоб слово за словом, факт за фактом доказать всю нелепость, всю низость подобной критики. Но не есть ли вся эта буря голос в самом тайнике души каждого, шепчущий, что Вы говорите Правду, а малодушие мешает им сознаться, отсюда и раздражение, оттого они и вертятся, как бес перед заутрешней. После этого последнего № Дневника Писателя Градовский должен глубоко устыдиться, если он честный человек.

Мне кажется совершенно ясным, что Вы слово «просвещение» употребляете в полном его смысле, т. е. просвещение *всего* человека, всех его чувств, способностей и помышлений. Вы только отдаете преимущество духовному просвещению, не исключая умственного просвещения, но веруете, что оно тем более выиграет и будет направлено *верно*. А умные люди, которым вовсе не все равно, что делается на Руси, прямо утверждают, что Вы в главе «Об одном основном деле» всецело отрицаете науку, всякое образование и требуете только «доброе сердце». Утверждают, что из этой главы видно ясно, как русского мужика Вы ставите выше всего образованного мира и свидетельствуете, что народ русский уже все знает, что ему более ничего не нужно, даже

катехизиса.³ Отчего не хотят понять, что Вы веруете глубоко и искренно в те нравственные, проникнутые истинным христианским духом основы народа русского, опираясь на которые, разовьется все остальное своеобразно, прекрасно и незыблемо? Ах, Господи, так пугают, так коверкают слова и мысли, что тоска берет. А потом, в самом деле, мало знают народ и нисколько его не любят, не заботятся даже о том, чтоб узнать его, но пользуются тем, что, встречая его пьяным, развратным, сталкиваясь с кулаками и мироедами, могут говорить во всем блеске своего фиктивного величия: вот он каков. Это очень больно! Я стараюсь, чтобы дети мои узнали и полюбили народ, сблизилась бы с ним с юных лет. Господи, какая глубокая правда в том, что никогда не станет народ «таить греха» своего. Сотни мелких случаев знаю я, а вот и крупный: в 9 верстах от села Болдина (пушкинского) есть казенное село Яз, где мы по дороге из Загарина в Саранский уезд останавливаемся лошадой кормить. На постоялом дворе был слепой старик, которого мы все любили и который нас всегда сейчас же узнавал по голосу. Этот старик умер, и когда я стала говорить со старухой как с его женой, то оказалось, что она была сестрой ему и что только один из мужиков этого дома сын ее. Она была солдатка, и брат ее принял в дом вместе с сыном. «Как перед Богом скажу тебе, ведь Иван-от (сын ее) у меня пригульный, не от мужа. Каюсь в своем грехе. Людей обманешь, а Бога — нет. Мучает меня этот грех, и должна я его всем говорить, не простит ли меня Господь». Я была поражена. Стояла предо мной маленькая, сморщенная старуха 60 лет и каялась в грехе своей молодости, жаждущая себе прощения от Бога и не подозревая, насколько она выше нас всех. А наша сестра разве так поступила бы? Или скрыла бы всякими правдами и неправдами это дело, а то выставляла бы его нахально как геройство, которому удивляться подобает.

Мне известно, что я так пользуюсь Вашей добротой и так много пишу Вам, но я утешаюсь мыслью, что если Вам некогда или Вам просто неинтересны мои письма, Вы со мной поступите прямо и честно заявите мне об этом, а может быть, и не заявите, а просто не будете читать, и я нисколько не обижусь, я буду знать, что иначе быть не может.⁴ Мне очень не хотелось бы быть Вам, слабому здоровьем, занятому, сколько-нибудь в тягость, отнимать время у Вас. Дай Бог Вам здоровья, глубокоуважаемый Федор Михайлович. Искренно преданная Вам (Мария Поливанова)

Фрагменты письма опубликованы: *Летопись...* Т. 3. С. 474.

¹ См. примеч. 1 к письму 2.

² Отношение к Пушкинской речи Достоевского различных противостоящих общественных группировок наиболее показательно выразилось в выступлениях либерального профессора и публициста А. Д. Градовского (*Голос*. 1880. 25 июня. № 174), чья статья, посвященная разбору «слабых сторон» мировоззрения Достоевского, привлекла наибольшее внимание писателя и ответом на которую стала третья глава августовского «Дневника»; в дополняющих друг друга очерках Г. И. Успенского и Н. К. Михайловского (*Отечественные записки*. 1880. № 6—7), заказанных им М. Е. Салтыковым-Щедриным (см. его язвительный отзыв в письме к А. Н. Островскому: *Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.*: В 20 т. М., 1976. Т. 19, кн. 1. С. 157), и, наконец, в стоящем особняком выступлении К. Н. Леонтьева («О всемирной любви» // *Варшавский дневник*. 1880. № 162, 169, 173), соответствующем его церковно-православной позиции. Исчерпывающий обзор газетных и жур-

нальных откликов на Речь Достоевского, а также полемики вокруг нее см.: 26, 475—491 — комментарии А. О. Крыжановского.

³ В подглавке «Об одном самом основном деле» Достоевский писал: «...под просвещением я разумею (...) свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни (...) наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его (...) все знает, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса (...) христианство народа нашего есть, и должно остаться навсегда, самую главною и жизненною основой просвещения его! (...) Наука дело одно, а просвещение иное. С надеждой на народ и на силы его, может, и разовьем когда-нибудь уже в полноте, в полном сиянии и блеске это Христово просвещение наше» (26, 150—151, 154; ср. с рассказом Н. С. Лескова о «куфельном мужике», «возвешенном Достоевским» зимой 1875—1876 гг.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 146—156).

⁴ Достоевский не ответил на это письмо.

4

17 октября 1880 г. Москва

Глубокоуважаемый Федор Михайлович.

Последнее свое письмо кончила я тем, что не обижусь Вашим молчанием, буду считать, что это так и должно быть. Может быть, это и должно быть так, но вынести я этого не могу, и поэтому пишу Вам вновь.

Я тайну свою положила Вам в руки — и это связало меня с Вами. Я знаю, что *невозможно*, чтоб когда-либо я стала сожалеть об этом шаге.¹ Четыре года уже я все думала о Вас, мне казалось, что только от Вас могу получить поддержку, что только Вы одни можете направить меня ко благу. Я Вас читаю и чувствую, как крепну духовно, как проясняется душа моя. Я стала другим человеком с тех пор как получила письмо от Вас, хотя я *глубоко и непоколебимо* чувствую, что не стою Ваших добрых отзывов обо мне. И «он» стал другим, и я уверена — от близкого прикосновения к Вам. О, я чувствую, что если суждено нам с ним быть опять счастливыми, изгнав и уничтожив всю горечь душ наших, то произойдет это непременно через Вас и Вы сами об этом не будете знать.² Мне это казалось все четыре года. Вы возвратили мне веру в человека и в Правду. Вы не знаете, как я верю в Вас!

Всей душой преданная Вам

М. (Поливанова)³

17 окт(ября) 1880 г.

Фрагменты письма опубликованы: 30₁, 380; Волгин И. Л. Последний год Достоевского. С. 381; Летопись... Т. 3. С. 484.

¹ В ответном письме от 18 октября 1880 г. Достоевский писал: «Я сегодня получил уже третье письмо Ваше, со времени моего Вам ответа (16 августа 1880 г. — С. И.) (...): не отвечал потому, что было некогда! (...) То, что Вы мне открыли, у меня осталось на сердце» (30₁, 220—221).

² Схожие ощущения и мысли возникали от общения с Достоевским не только у Поливановой. Ср. дневниковые записи В. Н. Третьяковой, жены известного мещаната, повествующие о разговорах с писателем (Лит. наследство. Т. 86. С. 124—127).

³ Достоевский ответил 18 октября 1880 г (30₁, 220—221).

30 октября 1880 г. Москва

Москва. 30 окт(ября) 1880.

Глубокоуважаемый Федор Михайлович.

Простите меня, Христа ради, мне так стыдно перед Вами. Я совершенно уничтожена Вашей беспредельной добротой. Скажу только одно: я не подозревала, что Вы заняты *до такой степени*. Спасибо Вам великое, что Вы «три четверти» Вашего письма употребили на описание Вашего собственного положения (значит, Вы доверяете мне).¹ Я так высоко ценю это и так это мне дорого, что и объяснить Вам не умею. Только умоляю Вас: не вспоминайте более о том, что я так грубо ворвалась к Вам и потревожила Вас. Право, мне так стыдно!

Радость газетчикам и фельетонистам Вы не доставите, Федор Михайлович, в этом я уверена.² Они опять будут беситься и брехать — и пусть их, такая уж их участь. Вы ведь сами знаете, как расхочется Ваш «Дневник писателя»,³ и именно, как горячо относится общество к нему. Ведь это не то, что встречаешь обыкновенно во всех журналах и о чем можно иметь какое-нибудь мнение, а может, и никакое, невелика беда будет. Вы затрагиваете самую суть, самую главную струну в душе каждого русского и каждого человека вообще. Читая «Дневник писателя», да и вообще все, что Вы писали, непременно надо быть искренним с самим собой, нельзя отлынивать, *необходимо* составить себе взгляд на эти за душу хватающие вопросы и, по-моему, нельзя не сочувствовать Вам всем сердцем, нельзя не радоваться, что на страже этих вопросов стоите Вы. Мне приходилось встречать болтунов, которые так и заносятся, так и царят в каком-нибудь обществе. Входит человек с ясным взглядом на вещи, неспособный увлекаться ложью, вникающий в глубь всего. Куда девается все красноречие болтуна, как неловко ему продолжать в том же тоне, а присутствующие мгновенно почуяли всю ложь и ничтожность той блестящей и увлекательной беседы. С необыкновенным удовлетворением встречала я такие явления. Конечно, ненавидит болтун инстинктивно и всей душой такого честного человека, как антипода своего, и за спиной бросает всевозможной грязью в него. Это только выражение бессильной злости лицом к лицу с Правдой. Мне кажется, что то же самое заставляет и петербургских брехунов бросать грязью и делать всякие подлости в отношении к Вам. Правда на *Вашей* стороне, и Вы должны победить, иначе быть не может, и Вы победите.

Прошу Вас, дорогой Федор Михайлович, никогда не думать, что Вы могли меня чем-нибудь обидеть.⁴ Разве Вы мне зла хотите? Может быть, Вы и ошибетесь когда-нибудь, не зная меня, так что ж такое? Мне дорого всякое Ваше слово и Ваше замечание. В момент, когда прочитала слова, что не привлеку его «безмолвным упреком»,⁵ я подумала: «Не знаете Вы, что никогда его не попрекаю». Но в течение дня слово «безмолвный» все опять и опять вспоминалось мне, и я должна прийти к сознанию, что *были* безмолвные попреки, часто невольные и непредвиденные, но были и сознаваемые, и это должно быть

обиднее всяких словесных. Мне кажется, что теперь я всегда буду избегать этого. Еще Вы сказали «Вы не привлечете». Знаете, я не хочу его привлечь сознательно, почти что с расчетом. Пусть это делается помимо моих усилий, потому что я никаких «усилий» для этого не буду делать. Надо, чтоб это сделалось само собой. Я чувствую, что не умею Вам это объяснить. Общий характер моих отношений к нему был, конечно, дружественный всегда, а чуть я замечу перемену к лучшему, то, конечно, само собой, становлюсь дружественнее. Не для похвальбы говорю я это, тем более, что были времена, где съедала меня злорада, где мне казалось, что я способна его возненавидеть. Но *общий* характер дружественный, несмотря ни на что. И вот Вам факт даже последних дней: он был болен, ему нужно было написать туда. Попросил он меня, чтоб я *собственноручно* опустила письмо в ящик, не доверяя никому. Если б он не считал меня лучшим своим другом, не верил бы моему чувству, он не стал бы и просить. Ничего, что это жестоко! Ведь он очень несчастен, и мне его бесконечно жаль. А все-таки я жажду конца, какого бы то ни было, потому что то, что существует теперь, ужасно, неестественно. Это то, что Вы называете «вдоль по каторге».⁶ У него нет почвы под ногами, он носится между небом и землей, а это парализует его силы. Идея семейности попрана ногами и главы 5-я и 19-я от Матфея сделаны посмешищем. Я не говорю о личном своем оскорблении (как бы тяжело мне не было переносить), потому что все произошло не из желания его оскорбить меня.

Меня не покидает какое-то внутреннее убеждение, что именно Вы будете причиной (вольной или невольной, я не знаю) тому, что все разрешится наконец и разрешится хорошо. Пожалуйста, не смейтесь надо мной.

Если когда-нибудь вздумаете написать, то, ради Бога, напишите *главное* о себе все, что возможно. Для меня это дорого и я интересуюсь всем, что до Вас касается. Я Вам всей душой благодарна за Ваше дружественное отношение ко мне и за Ваше доверие.

А теперь дай Бог Вам всякого благополучия, а в делах Ваших скорого и счастливого успеха, как пишут деревенские. Мне это очень нравится, и я повторяю это Вам от всего сердца. Благодарю Вас за все. Всей душой преданная Вам (Мария Поливанова)⁷

Фрагмент письма опубликован: Летопись... Т. 3. С. 490; *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. С. 383.

¹ Объясняя столь долгое молчание, Достоевский большую часть письма оправдывается собственным сложным положением: за прошедшие с Пушкинских праздников четыре месяца он написал 20 листов «Братьев Карамазовых» («...по пяти раз переделывал и переправлял написанное»); необходимо приступить к «Эпилу» романа; ответить на «нужные» письма и т. д. «Не сердитесь и за то, что я три четверти письма употребил на описание себя и своего положения» (30, 220—221). Из письма П. Е. Гусевой от 15 октября 1880 г.: «Ни на одно письмо с августа до сегодня — еще не отвечал» (30, 217).

² «Если меня публика примет холодно, — писал Достоевский (на чтении 19 октября 1880 г. в день лицейской годовщины в пользу Литфонда), — то какая радость будет всем терзающим меня в газетах» (30, 221—222). Имеется в виду полемика вокруг Пушкинской речи. Опасения писателя не оправдались (подробнее об энтузиазме публики см.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 351—352, 367; Летопись... Т. 3. С. 485).

³ Сведения о численности тиража августовского выпуска «Дневника» разноречивы. Наиболее точные сведения приводит Н. Н. Страхов: номер «был напечатан в 4000 экземплярах и разошелся в несколько дней. Было сделано новое издание в 2000 экз(емпляров) и разошлось без остатка» (цит. по: 26, 474—475). Другие данные, вероятно, завышенные, сообщает Анна Григорьевна (см.: *Достоевская А. Г. Воспоминания*. С. 367).

⁴ Деликатно советуя Поливановой простить мужа, если тот переменится, Достоевский писал: «Да, впрочем, что ж я Вам об этом пишу? (Может быть еще и обижаю Вас)» (30), 221; см. также примеч. 7 к письму 2).

⁵ См. примеч. 7 к письму 2.

⁶ Выражение «вам на срок, а нам вдоль по каторге» — из (Сибирской тетради) (№ 108 — 4, 238, 316); использовано Достоевским в «Записках из Мертвого дома» и означает осуждение на пожизненную каторгу: «...был еще один особый разряд самых страшных преступников (...) они сами считали себя вечными и срока работ своих не знали (...) „Вам на срок, а нам вдоль по каторге“, — говорили они другим заключенным» (4, 11; см. также: 4, 60, 301).

⁷ Достоевский не ответил на это письмо.

6

15 декабря 1880 г. Москва

Москва. 15 декабря 1880.

Глубокоуважаемый и добрейший
Федор Михайлович.

Мне хочется только сказать Вам, что я читала Ваш «Эпилог» к «Братьям Карамазовым», что жду, когда роман этот выйдет отдельной книгой, чтоб снова перечесть его.¹ Сила и глубина и правда этой страницы из драмы человечества действует потрясающе. С нетерпением жду январь, а с ним и слова Вашего.²

Читала я, что Вы на литературном вечере читали Ваш «Эпилог», что публика была тронута, увлечена и потрясена, что поднесли Вам лавровый венок.³ Еще бы!.. Я завидовала этой публике. Зачем не сидела и я между ней. Я только не могу понять, как могло это сделаться, что имею возможность писать к Вам, пользоваться Вашим добрым чувством ко мне. Я считаю это за величайшее свое счастье, берегу его ревниво, ценю его высоко и благодарна Вам бесконечно.

Еще хочу сознаться Вам, что солгала сама перед собой в последнем письме, говоря, что не чувствую оскорбления от «него». Неправда, я чувствую оскорбление, больно чувствую, но мне не хочется понять, что он — хоть и непреднамеренно — мог дойти до оскорбления лучшего и чистейшего чувства моего к нему. Вы говорите, что горе мое давнишнее, наболевшее. Да, правда, оно наболевшее, так что и живого места не осталось, но оно *не может* уничтожиться. Вот могила, убранная цветами и зеленью, облитая солнечными лучами, а внутри ее *все-таки* лежит тот бездыханный и дорогой человек. Такая же могила и я сама. Снаружи как бы и ничего, могила успела обрасти зеленью, а внутри, на дне души, лежит *все-таки* безысходное горе мое.

Вот видите, я не удержалась, чтоб не всплакнуть перед Вами. Одним Вам только высказываюсь, а не выскажусь — задохнусь. Душно мне, давит меня. Господи, *когда же* конец?

Я сознаю, что пишу Вам в минуту слабости и малодушия, но я не стыжусь перед Вами, потому что Вы все понимаете. Вы так высоко стоите — надо мной.

Дай Бог Вам здоровья и благослови Вас за то, что позволяете мне держаться за Вас.

Всем сердцем преданная Вам

(Мария Поливанова)

Вы писали «до свиданья». *Когда* Вы приедете?⁴ Хотя я и ставлю Вам вопрос, но если Вам нельзя писать, то и не пишите, Федор Михайлович, и не мучайте себя. Я ведь знаю Вас и верю Вам безгранично.⁵

Фрагменты письма опубликованы: *Волгин И. Л. Последний год Достоевского. С. 383; Летопись... Т. 3. С. 512.*

¹ «Эпилог» «Братьев Карамазовых» вышел 1 декабря 1880 г. в № 11 (ноябрьском) «Русского вестника». Отдельное издание, в 2 томах, вышло в начале декабря 1880 г. (на титуле обоих томов — 1881 г.); тираж — три тысячи экземпляров. «Издание это, — писала Анна Григорьевна, — имело сразу громадный успех, и в несколько дней публика раскупила половину экземпляров» (*Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 369*).

² «С января будущего года, — писал Достоевский 16 августа 1880 г., — наверно примусь издавать опять „Дневник писателя“» (30₁, 211). В следующем письме — от 18 октября 1880 г. — Достоевский жаловался Поливановой: «Верите ли, что у меня нет времени поехать в Главное Управление печати и подать просьбу об издании „Дневника“ в будущем году» (30₁, 222).

³ Речь идет о музыкально-литературном вечере в пользу студентов Петербургского университета, состоявшемся 30 ноября 1880 г. Достоевский читал главу «Похороны Илюшечки» из эпилога «Братьев Карамазовых». Анна Григорьевна вспоминала: «Чтение это, несмотря на тихий голос, было до того художественным, до того затронуло сердца, что я кругом себя видела скорбные и плачущие лица, и это не только у женщин. Студенты поднесли мужу лавровый венок и проводили его большою толпою до самого подъезда» (*Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 352*). Поливанова могла читать отчет о чтениях, опубликованный в газете «Современные известия» (6 дек. № 337), см. также: *Летопись... Т. 3. С. 502.*

⁴ Достоевский намеревался быть в Москве «по делам» «осенью или в начале зимы» 1880 г. (30₁, 211; см. также примеч. 9 к письму 2).

⁵ Ответ Достоевского неизвестен.